

А. Д. Сахаров О СТРАНЕ И МИРЕ

ВВЕДЕНИЕ

В первые послевоенные годы впервые (во всяком случае для меня и многих людей моего поколения) обрисовались контуры тех общемировых проблем, которые и сегодня продолжают оставаться самыми важными, самыми актуальными.

Около тридцати лет назад только что окончилась кровопролитная и разрушительная война, оставившая после себя море человеческого горя, которое не смогли до конца осушить прошедшие десятилетия. На большей части планеты свирепствовал голод, унося миллионы жизней и угрожая дальнейшим распространением. Научно-технический прогресс в развитых странах исподволь подготавливал «зеленую революцию», которая должна была в будущем смягчить эту грозную беду, но одновременно он приближал другую опасность для человечества, масштабы и близость которой тогда мало кто осознал, – экологическую катастрофу.

Еще не существовало термоядерного оружия, но тень атомной бомбы уже нависла над миром, впервые за историю человечества угрожая всеобщей гибелью. В Хиросиме и Нагасаки ежедневно умирали облученные.

В Китае разгоралось пламя гражданской войны. В социалистических странах тела и души сотен миллионов людей были до предела зажаты в чудовищных тисках сталинизма. Погасли печи Освенцима, но тысячи людей ежедневно погибали в холодных забоях Колымы, Норильска и Воркуты, на бесчисленных сталинских стройках смерти. Число жертв ГУЛага к этому времени уже достигло страшной цифры – 20 млн.

В эти годы многие благородные и проникательные мыслители – физики и математики, экономисты, юристы, общественные деятели, философы – выступили с идеями, порожденными осознанной ими уже тогда глубокой тревогой за судьбу человечества (хотя они, по-видимому, и не понимали многого, скрытого от Запада «железным занавесом»). В их числе были Эйнштейн, Рассел, Бор, Кассен и многие другие. Высказанные ими идеи произвели глубокое впечатление на современников. Они призывали к защите прав человека во всем мире, к национальному альтруизму, к осуществлению «открытого мира». Разъясняя эту мысль, Нильс Бор, в частности, подчеркивал, что ничто не должно препятствовать обмену информацией и свободному передвижению людей. Они выступали за демилитаризацию, за помощь слаборазвитым странам, за укрепление ООН, за мировое правительство.

Мне уже тогда удалось узнать про выступление Нильса Бора – одно из тех, в которых были заложены новые идеи. Но лишь через 20 лет, в разгар «пражской весны» 1968 года, длительный путь жизни, общения с выдающимися людьми, собственных раздумий привел меня к решению самому выступить со статьей, примыкавшей по основному направлению к этим идеям. Статья называлась «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Она получила широкое распространение, особенно на Западе, как одно из первых выступлений такого рода из немых недр социалистических стран. Я и сейчас в главном не отошел от сформулированной тогда позиции. Но прошедшие годы, изобиловавшие драматическими международными событиями, очень много значившее для меня расширение общения с людьми нашей и других стран, расширение личного опыта – не могли пройти бесследно. Сегодня я чувствую потребность вновь вернуться к темам «Размышлений», уделив главное внимание не «оптимистической футурологии», то есть мечте, а опасностям, заблуждениям, драмам сегодняшнего дня, всему тому, что стоит между

мечтой и реальностью.

Я считаю необходимым с самого начала подчеркнуть, что я хотел бы видеть в той новой фазе отношений между капиталистическими и социалистическими странами, которая получила название «разрядки», осуществление близких мне идей. Действительно, произошли большие изменения к лучшему, по крайней мере в стиле высказываний государственных деятелей, а отчасти и в более материальной сфере. Но одновременно возник определенный разрыв между словами и Делами, создались условия для оживления опасных иллюзий. Все это требует, по моему, откровенного обсуждения, не связанного дипломатическими условностями и конформизмом «восточного» или «западного» типа.

Как и семь лет назад, я вполне понимаю свою недостаточную компетентность в сложных вопросах общественных отношений. Но все же мне кажется, что мое выступление будет полезным.

Одним из толчков к написанию этой статьи явились беседы с посетившими меня недавно иностранными гостями – группой американских ученых, приехавших в СССР для неофициальных переговоров по SALT и с сенатором США мистером Дж. Бакли. Бакли был первым государственным деятелем США, который счел возможным встретиться со мной. Во время этой встречи, очень важной для меня, мы обсуждали внешнеполитические и некоторые внутренние проблемы. Тогда же у меня возникло желание изложить обсуждавшиеся вопросы в письменной форме. Но я пишу медленно и трудно, процесс писания растянулся на семь месяцев, и за это время произошли новые очень важные события, которые тоже отразились на содержании этой работы.

Окончательно выкристаллизовался следующий план:

- I. О советском обществе. Именно недостаточным пониманием того, что скрывается за его фасадом, непониманием потенциальных опасностей советского тоталитаризма объясняются многие иллюзии западной интеллигенции и в конечном счете удивительные просчеты и неудачи западной политики, без боя отдающей кусок за куском своему партнеру по разрядке.
- II. О свободе выбора страны проживания. Это важное право имеет большое общесоциальное значение как гарантия многих других основных прав человека, а также как гарантия международного доверия и открытости общества. События, развернувшиеся в связи с поправкой к закону о торговле, принятому конгрессом США, отразили отношение к этой проблеме социалистического и западного миров, их тактику, принципы и расстановку сил. Они показали разобщенность, неорганизованность и дезинформированность Запада. Я надеюсь, однако, что будущее покажет также стойкость Запада и его способность извлекать уроки из трудностей. Защита свободы выбора страны проживания является как бы пробной моделью, полигоном для определения всего стиля разрядки.
- III. Проблемы разоружения. Спасение человечества от угрозы термоядерной гибели имеет несомненный приоритет перед всеми остальными задачами, но нельзя отделить эту задачу от других политических, экономических, гуманистических и нравственных проблем, и в первую очередь от проблемы «открытости» общества и международного доверия, от преодоления разобщенности Запада. Подлинное решение проблемы разоружения должно включать: а) совершенную систему контроля, и в том числе инспекции; б) снижение вооружений до уровня одинаковой мощности, притом достаточно низкого (это относится как к переговорам по ограничению стратегического оружия сверхдержав, так и к региональным переговорам); в) устранение факторов, способствующих гонке вооружений; г) устранение факторов стратегической неустойчивости.
- IV. Индокитай и Ближний Восток. Мы все, наверное, еще не в состоянии полностью оценить значение и масштаб трагедии, происшедшей в Индокитае. Но несомненно, что эта трагедия стала возможной в значительной мере в результате ослепления во всем мире относительно целей и методов тех сил, которые стояли за спиной брошенных в огонь войны юношей. Очень

важно, чтобы этот урок не прошел даром. Долг честных людей во всем мире – всемерно помогать беженцам, обездоленным войной детям, не допустить нового предательства, подобного совершенному по отношению к «перемещенным лицам» 30 лет назад¹.

1 Казакам, карачаевцам и другим народностям, находившимся за границей, была обещана свобода в СССР, однако более 0,5 млн. человек оказались в лагерях для «перемещенных лиц».

V. Либеральная интеллигенция на Западе, ее иллюзии и ответственность. Несмотря на многие распространенные в ее среде опасные заблуждения, я верю, что внутренняя честность, разум и альтруизм возобладают в этом влиятельном и самом активном слое западного общества.

VI. Заключение. Миру нужна демилитаризация, национальный альтруизм и интернационализм, свобода обмена информацией и перемещения людей, гласность, международная защита социальных и гражданских прав человека. Страны «третьего мира» должны получать всестороннюю помощь и со своей стороны полностью принять на себя свою долю ответственности за будущее мира, обратить большее внимание на развитие материального производства, прекратить спекуляцию нефтью.

Все это – непрременные условия преодоления разобщенности человечества, спасения его от опасности термоядерной гибели, голода, экологической катастрофы, дегуманизации; непрременные условия устранения опасностей научно-технического прогресса и использования его во имя всеобщего блага.

Работа над этой книгой проходила в обстановке нарастающего напряжения, вызванного международными, внутренними и личными событиями. Я благодарен помогавшим мне друзьям, благодарен издателям книги. Особенное значение имели для меня самоотверженная поддержка и помощь моей жены, сделавшие возможным завершение задуманного вопреки всем бедам, болезням, угрозам, всему тому, что несет наша жизнь.

I. О СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Жизнь нашей огромной страны, конечно, очень сложна и многолика. Как в каждой стране, труд людей, хотя и не всегда производительный и разумно организованный, и возрастающее использование достижений науки и природных ресурсов так или иначе приносят свои зримые плоды. Тысячи оживленных и, видимо, довольных судьбой людей снуют у подножия стройных небоскребов нового Арбата, высоко поднявшихся в небе Москвы. Но за этим фасадом скрывается, как, впрочем, тоже не только у нас, много такого, что недоступно постороннему глазу, скрывается море человеческого несчастья, трудностей, озлобления, жестокости, глубочайшей усталости и безразличия, которые накопились десятилетиями и подтачивают устои общества. В стране необыкновенно много несчастных, обойденных судьбой людей: одиноких стариков с ничтожными пенсиями; людей, не устроенных в жизни, не имеющих работы или возможности учиться, или приличного, даже по нашим нищенским нормам, жилья; хронических больных, которые не могут попасть в больницу; бесчисленное множество спившихся, опустившихся людей; полтора миллиона заключенных, жертв слепой и часто несправедливой, продажной и зависимой от властей и местной «мафии» судебной машины, которые навсегда выкинуты из нормальной жизни; просто неудачников, не сумевших вовремя сунуть кому надо взятку. Всем им практически невозможно помочь, да и мало кто пытается это делать в общей обстановке трудной, изнуряющей борьбы за пропитание большинства населения, сытой самодовольной замкнутости у меньшинства, показной и малоэффективной социальной структуры. Отчаявшиеся люди осаждают высокие приемные, откуда многих из них, особенно надоедливых, прямым ходом увозят в психиатрические больницы. Я очень люблю природу и культуру своей родины, ее людей и вовсе не стремлюсь выступать в роли «очернителя». Но сейчас я считаю необходимым фиксировать внимание на тех отрицательных особенностях, которые имеют принципиальное

значение для международных отношений и понимания обстановки в стране, и замалчиваются советской и просоветской пропагандой.

Одним из «догматов веры» советской и просоветской пропаганды всегда являлся тезис о якобы особой исключительности советской политико-экономической системы, которая, как утверждается, является универсальным прообразом для всех остальных стран – самой справедливой, гуманной, прогрессивной, обеспечивающей самую высокую производительность труда, самый высокий уровень жизни и т. п.

Догмат этот поддерживается тем настойчивей, чем очевидней полный провал большинства из содержащихся в нем обещаний. Догмат не выдерживает сравнения с передовыми капиталистическими странами – и вот необходимость поддержания и гипноз слепой веры являются одной из причин беспрецедентной закрытости советского общества. Многим памяты вариации тезиса – зачем нам учиться у других, ведь мы впереди на целую историческую эпоху. Закрытость же общества создает в свою очередь условия для множества негативных явлений внутренней и внешней жизни. Под знаком веры в исключительную общемировую цель прошли десятилетия величайшего насилия, не замеченного западными либералами, одними – по наивности, другими – по равнодушию, третьими – по цинизму. Трагический пример – позиция умного и глубоко гуманного писателя¹, который сознательно закрыл глаза на частично очевидные уже тогда преступления сталинизма, рассматривая СССР как единственную альтернативу нацизму. Еще до этого другой писатель² объявил преувеличенными слухи о голоде в СССР – нигде я так хорошо не обедал, как в СССР, сказал он, в то время, как заградительные отряды НКВД из пулеметов расстреливали умирающих от голода детей, пытавшихся прорваться за границу. Остатки этого ослепления существуют до сих пор, сейчас они уже более всего опасны для самого Запада. Сегодня понимание сущности советского общества, того, что скрывается за респектабельным фасадом, необходимо для правильного отношения к почти любой проблеме общемирового значения.

1 Имеется в виду Л. Фейхтвангер.

2 Имеется в виду Б. Шоу.

Современное советское общество, как я думаю, наиболее кратко следует охарактеризовать как «общество государственного капитализма», то есть строя, отличающегося от современного капитализма западного типа полной национализацией, полной партийно-правительственной монополией в области экономики – а тем самым и в области культуры, идеологии и в других основных областях жизни.

Такое мнение, по-видимому, разделяется очень многими за рубежом и в СССР – последними, разумеется, в большинстве случаев не вслух. Когда два года назад я высказался в этом духе в интервью корреспонденту шведского радио и телевидения Стенхольму, это послужило одним из главных поводов для нападков на меня в советской прессе; вскоре и Стенхольма лишили визы. Но на самом деле речь шла о почти тривиальном высказывании.

Полная государственная монополия, как отмечают многие авторы, неизбежно оборачивается несвободой, вынужденным конформизмом. Ведь каждый полностью зависит от государства. В критические периоды несвобода рождает террор, в более спокойные – власть бездарной бюрократии, серость и апатию.

Остановимся сначала на экономических и социальных чертах советского общества, затем на идеологических, культурных, правовых чертах и на проявлении его особенностей в международных отношениях.

Несомненно, нет у нас самой высокой в мире производительности труда, нет даже надежды догнать по этому показателю передовые капиталистические страны в обозримом будущем. Налицо постоянная милитаризация экономики, невиданно высокая для мирного времени –

тяжелая для населения и опасная для всего мира. Налицо хроническое экономическое перенапряжение, отсутствие резервов – это при наших-то природных ресурсах – черноземе, угле, нефти, лесе, климатическом разнообразии, низкой плотности населения.

Особенно существенно, что при таких ресурсах после 58 лет гигантских усилий, из них 30 лет в условиях непрерывного мирного времени, нет и в помине самого высокого в мире уровня жизни. Рабочий любой передовой капиталистической страны – не только США, но и, скажем, Франции, ФРГ, Италии, Швеции и т. п. – не станет работать за нашу зарплату и с нашим уровнем социальной защиты своих прав.

В СССР минимальная месячная зарплата равна 60 рублям, а средняя зарплата – 100 рублям. По покупательной способности эта минимальная зарплата приблизительно соответствует 30 долларам в месяц, или 150 новым французским франкам, а средняя зарплата – 55 долларам или 275 франкам*. Сравните эти цифры с американскими стандартами – 600 или 800 долларов в месяц – это средняя зарплата, доход же 400 долларов в месяц для семьи отец, мать, двое детей – официальный порог бедности; при меньшем доходе государство предоставляет специальные блага, которые и не снились советскому гражданину. В других странах – таких, как Франция, Италия, ФРГ, зарплата несколько меньше, чем в США, но зато меньше и стоимость жизни. В СССР те люди, которые живут на зарплату, большую часть ее тратят на питание. Об этом, должно быть, дико читать американскому рабочему, у которого на гораздо лучшее по качеству питание уходит, как правило, не более 25% зарплаты, да и жена может, если хочет, не работать.

* Доллар принят мной, возможно, несколько произвольно, эквивалентным 2 рублям, что, по-видимому, несколько завышает покупательную способность рубля. Использовано отношение цен на продовольственные товары (основной траты советского горожанина), но без учета огромной разницы в качестве. Хорошие по зарубежным стандартам продукты у нас продаются только на рынке и по ценам, которые в два и более раза выше государственных. Отношение цен в рублях и долларах на одежду, обувь и другие промышленные товары ближе к четырем, а не к двум.

Особенно тяжело низкая зарплата сказывается на наиболее массовых слоях интеллигенции – учителях, работниках медицины, рядовых инженерах. У них, как правило, нет приусадебных участков и существенных для многих «левых» источников дохода (часто полузаконных).

Сейчас вся мировая пресса полна сообщениями об инфляции, о топливном кризисе, о нарастающей безработице в капиталистических странах. Я не хочу тут анализировать сложные и разнообразные причины этих явлений (среди которых не последнее место занимает дезорганизующий фактор советской экономической и общеполитической активности), не хочу преуменьшать их далеко идущих психологических и политических последствий. Но мне все же хочется сказать – ведь вы не умираете с голоду, вам есть куда отступать, ведь даже снизив уровень жизни в пять раз, вы все еще будете жить богаче людей самой богатой в мире социалистической страны. Перед лицом действительно страшной угрозы непрерывного наступления тоталитаризма, перед угрозой экологической катастрофы очень важно, чтобы основная масса населения, профсоюзы, предприниматели нашли возможность поступиться какой-то частью уже достигнутого уровня жизни, пойти на временные самоограничения. Западная цивилизация должна обладать свободой экономического маневра. Это необходимо в первую очередь для защиты самой западной цивилизации, для защиты нравственных и демократических ценностей во всем мире.

Как же государство распоряжается присвоенными им благодаря искусственно заниженной зарплате гигантскими средствами? Они идут, конечно, в значительной доле на расширенное воспроизводство, но также в столь же большой доле на гигантские военные расходы, на

финансирование тайной и явной экспансии во всех частях света – от Ближнего Востока до Латинской Америки, на обеспечение более высокого уровня жизни привилегированных слоев общества, на покрытие дорогостоящих нелепостей бюрократического стиля руководства. Некоторая доля присвоенных государством средств возвращается на социальные нужды – в частности, на пенсии, медицину, образование, которые, таким образом, никак не могут считаться бесплатными.

В социальном плане очень важно отметить следующее:

1) Очень короткий (двухнедельный для большинства) отпуск, момент которого определяется администрацией. (Во Франции – два отпуска: летом и зимой, общей продолжительностью 4 недели.)

2) 41-часовая рабочая неделя, то есть продолжительней, чем в большинстве западных стран.

3) Отсутствие реального права на забастовки, на любые организованные обращения в вышестоящие инстанции. Годами длится борьба рыбаков Мурманска против безжалостного обсчитывания, против огромных взяток за право пойти в плавание, но пока результат – многочисленные жертвы среди жалобщиков: уволенные, посаженные в психдома, арестованные. Столь же трудно протекает борьба за улучшение техники безопасности на шахтах и химических предприятиях, которая во многих местах находится в крайне запущенном состоянии.

4) Очень низкие пенсии и пособия, даже после нескольких существенных прибавок в «хрущевские» и «брежневские» годы. Если исключить «персональные» и военные пенсии, то максимальная пенсия составляет 120 рублей (60 долларов), а средняя – вдвое меньше. Лишь недавно введены пенсии колхозникам, они очень малы. Пенсии на погибшего кормильца не выдаются, если он покончил самоубийством. Введенные во время войны пособия многодетным матерям, несмотря на неоднократные прибавки, покрывают лишь малую часть расходов на содержание детей. Матери-одиночки (не многодетные) получают пособие в размере 5 рублей в месяц на каждого ребенка.

5) Ежегодно несколько воскресений или суббот объявляются рабочими днями. Так называемые «коммунистические» субботники формально считаются добровольными, а попробуй не пойти. Зарплата за них перечисляется в фонд государства. В этом году первый день Пасхи – 4 мая – был объявлен рабочим, хотя и прибавлен к оплаченному отпуску. Никто не осмелился протестовать, кроме двух священников, – один из них был арестован.

6) Жилищные и бытовые условия для большинства населения остаются плохими, несмотря на осуществляемое во многих городах большое жилищное строительство.

Это неправда, что у нас самые дешевые жилища в мире. Оплата одного квадратного метра, выраженная в единицах средней зарплаты, не ниже, чем в большинстве развитых стран. Получение семьей отдельной квартиры – счастье, которого многие ждут всю жизнь. Обычно это многоэтажный, Многоквартирный дом, внешне соответствующий американскому «дому для бедных», но с меньшими удобствами и большей теснотой. Отдельная комната для каждого члена семьи – у ничтожно малой части населения. За исключением нескольких «элитарных» городов – плохое снабжение продовольственными и промышленными товарами. Хлеб низкого качества с наполнителями – добавками; еще хуже с мясом, в большинстве мест за ним многочасовые очереди, а качество не всегда удовлетворит даже собак*. Почти полное отсутствие бытового сервиса. Плохо с водой. В большинстве городов до сих пор нет современной канализации.

* В тысячах деревень и маленьких городов страны с утра у дверей продмагов собираются очереди людей, ожидающих, когда привезут хлеб. Они надеются также, что «выбросят» еще что-нибудь, если это будет такой дефицитный продукт, как треска, то в очередь сбежится вся округа. Люди сидят или стоят у магазинов (в большинстве женщины) по много часов в день

даже в период самых горячих сельскохозяйственных работ – тяга к земле, внутренний стимул, который был доминирующим у крестьянки и крестьянина еще 40 лет назад, ныне исчез вместе с исчезновением материального стимула. А по площади перед магазином целые дни без дела шатаются полупьяные и пьяные мужчины и парни, среди них очень много подростков. Старухи потихоньку судачат о том, что «раньше мужики и парни так не пили, больше – по праздникам».

7) Очень низкое качество образования, особенно в сельской местности. Переполненные душные и темные классы. Почти всюду отсутствует организованная доставка детей, живущих далеко от школ, обычная для стран Запада. Очень плохо организовано питание детей. Бесплатность образования не распространяется, как во многих несоциалистических странах, на питание детей, снабжение их школьной формой и учебными пособиями. Формально очень сложные и большие программы, выматывающие силы учеников, многочасовые домашние задания, реально же – очень низкий интеллектуальный уровень образования. Нищие, задерганные учителя. При приеме в высшие учебные заведения и в аспирантуру – множество сознательных несправедливостей; из них особенно известна антиеврейская дискриминация; но существует и столь же несправедливая дискриминация выходцев из деревни, интеллигенции, детей диссидентов, верующих, лиц немецкой национальности и вообще всех, у кого нет «блата»**. Разрушение системы образования характеризует нарастающий антиинтеллектуализм общества.

** Дискриминация при приеме осуществляется очень просто ~ создаются отдельные группы для нежелательных абитуриентов, из которых почти никого не принимают.

8) Очень низкое качество медицинского обслуживания большинства населения. Попасть на прием в поликлинике – полдня потерять, а что может сделать и понять врач за те десять минут, которые он имеет на прием одного больного? Больной почти не может выбирать, к какому врачу обратиться. В больницах больные лежат в коридорах, в духоте или на сквозняках, совсем нет сиделок, очень мало уборщиц и нянечек, мало медсестер, плохо с бельем, с лекарствами и с питанием. На одного больного в рядовой больнице в день выделяется по бюджету менее одного рубля в день на все; естественно, что ничего нет, и условия ужасные. Зато в привилегированных больницах – на одного больного по бюджету тратится до 15 рублей в день. Не случайно, все известные мне иностранцы, проживающие в Москве, своих жен посылают рожать в капиталистические страны, хотя для них здесь обеспечены условия несравненно лучшие, чем для рядовых советских граждан.

В провинции почти нет современных медикаментов, но и в столице их ассортимент очень отстает от западных стран, (исключение – привилегированные больницы и поликлиники для «начальства»). Посылка медикаментов с Запада в СССР по почте запрещена. Врачу запрещается выписывать дефицитные и зарубежные препараты, даже упоминать об их существовании. Такое лишение больного помощи, даже знания о том, что помощь в принципе возможна, – вопиющее нарушение принципов традиционной медицинской этики. Многие больные и их родственники, без сомнения, пошли бы на любые усилия и затраты для облегчения страданий или спасения.

Другим примером нарушения принципов медицинской этики является приказ Министерства здравоохранения, согласно которому внимание следует уделять в первую очередь работающему контингенту. Этот приказ сообщался, в частности, участковым врачам.

Сильно подорвана система медицинского образования, медицинское оборудование в большинстве мест – на уровне прошлого века. Общий нравственный и профессиональный упадок распространился на врачей, которые держались дольше других. Под угрозой те

несомненные достижения (в педиатрии, в борьбе с инфекционными заболеваниями и др.), которые были достигнуты советской медициной в первые Десятилетия советской власти.

9) Низкая зарплата приводит к тому, что заработка мужа не хватает прокормить семью даже с одним ребенком; отсюда – невозможность нормального семейного воспитания детей, имеющая серьезные социальные последствия, отсюда также разрушение здоровья миллионов женщин на тяжелых работах.

10) Ограничение свободы передвижения в пределах страны – паспортная система, которая оборачивается для миллионов колхозников невозможностью уехать в город. Численность сельского населения очень велика по западным стандартам, однако молодежь стремится уйти из деревни, парни почти не возвращаются после службы в армии. Много ручного, непроизводительного труда, особенно женского, только механизаторы зарабатывают хорошо. Много людей просто прозябают. Всюду повальное пьянство. Очень грустный фольклор:

«Что такое глухомань?

Много Мань и мало Бань,

Много водки, мало бань,

И над каждым колоском

В барабаны бьет райком».

Жесткие ограничения разрешенных мест проживания для бывших заключенных, часто ломающие всю их жизнь.

Весь мир должен знать о безмерных страданиях крымских татар, 31 год назад ставших жертвой преступной депортации, когда половина детей и стариков погибла от голода и холода, и сейчас все еще лишены права вернуться на родную крымскую землю, ждущую их трудолюбивых рук. Аналогична судьба немцев Поволжья, месхов-турков и других.

11) Абсолютная – для большинства – невозможность заграничных поездок, даже туристических, не говоря уж о поездках для работы, на заработки, для ученья или лечения. Для сравнения: в 1975 году в ФРГ предполагается, что из 32 млн. отпускников, идущих в августе в свой четырехнедельный оплаченный отпуск, 16 млн. (часто с семьями) проведут его за границей. Вот она – закрытость советского общества в действии. Такое общество – угроза для соседей (а сейчас на Земле – все соседи).

12) Венец социального портрета общества – люмпенизация, развращение и трагическое спаивание огромной массы населения, в том числе женщин и молодежи. Потребление алкоголя на душу населения втрое больше, чем в царской России. Отношение власти к этой самой страшной беде народа двойственное – с одной стороны, жалко, что прогулов много и руки у рабочего с утра дрожат, а с другой – этак ведь народ спокойней, требований – меньше, а деньги сами собой текут обратно в государственный карман. И вообще, так, дескать, повелось на Руси, и не нам это менять. А тем временем только в РСФСР десятки тысяч пьяных ежегодно тонут и замерзают на улицах. А все города, где нет таких армий милиционеров, как в Москве, стонут от нарастающей эпидемии бессмысленного жестокого хулиганства и преступности¹.

1 Принятие указа 1985 года было попыткой широкой борьбы с алкоголизмом. Несмотря на то, что в проведении борьбы было много «кампанейщины», я считаю эту меру правильным действием в нужном направлении.

Чрезвычайно существенно, что наше общество ни в коей мере не является обществом социальной справедливости. Хотя соответствующие социологические исследования в стране либо не производятся, либо засекречены, но можно утверждать, что уже в 20-30-е годы и

окончательно в послевоенные годы в нашей стране сформировалась и выделилась особая партийно-бюрократическая прослойка – «номенклатура»*, как они себя сами называют, «новый класс», как их назвал Джилас. У этой прослойки свой образ жизни, свое четко определенное положение в обществе – «хозяина», «головы», свой язык и образ мыслей. Номенклатура фактически неотчуждаема и в последнее время становится наследственной. Благодаря сложной системе тайных и явных служебных привилегий, а также связей, знакомств, взаимных «одолжений», благодаря большей зарплате эти люди имеют возможность жить в гораздо лучших жилищных условиях**, лучше питаться и одеваться (часто за меньшие деньги в специальных «закрытых» магазинах или за валютные сертификаты***, или с помощью заграничных поездок – в наших условиях – особой, высшей формы награды за лояльность)****. В широких слоях населения существует определенное раздражение как привилегиями номенклатуры, идущими за счет рядовых граждан, так и, в особенности, часто очень чувствительными нелепостями бюрократического стиля руководства. Даже очень далекому от политики человеку бросаются в глаза такие факты, как ежегодное сгнивание значительной части урожая овощей, фруктов и зерна, как гибель в пути на поля почти 50% минеральных удобрений, хищнический лов рыбы, в том числе молоди, гибель рыбы в загрязненных водоемах и от нарушения условий нереста, уничтожение лесов, эрозия почвы – этих великих богатств страны; пышные и хищнические начальственные охоты в заповедниках, затопление лугов, вопиющие нелепости планирования и практики промышленного строительства, отсутствие заботы об удобном транспорте, водоснабжении, сервисе и вообще быте рядовых граждан, жестокая и бессмысленная регламентация кадровой, финансовой и хозяйственной деятельности всех учреждений.

* В знаменитом пророческом романе Оруэлла «1984» это «внутренняя партия». В ГДР недавно появилось забавное выражение «Sie-Genossen» – «товарищи на Вы».

** По специальному решению правительства всех без исключения «рядовых» граждан выселяют из центральной части Москвы – им предоставляют отдельные квартиры на каждую семью, конечно, очень тесные по западным стандартам, но много лучше московских «коммуналок», их поселяют в окраинных новых районах, застраиваемых стандартными многоэтажными домами, – и они этому очень рады. Между тем, старинные особнячки и другие памятники старой Москвы безжалостно сметаются для строительства люкс-домов, заселяемых тщательно отобранной элитой. Все снабжение и обслуживание тут – по самому высшему стандарту, строится даже специальный канал для водоснабжения особо чистой водой (говорят, очень нежелательный в экологическом отношении). Кругом Москвы – кольцо персональных роскошных дач, окруженных непроницаемыми высокими заборами – это главный бастион торжествующей номенклатуры, символ власти и благополучия. Дача, оставшаяся у меня от моего прошлого, выглядит примерно так же.

*** Сертификаты у нас называют «деньгами для белых», в отличие от «денег для черных» – советских рублей (белые – привилегированные, а черные – униженные, согласно стереотипному представлению). Валютные операции государства – это особая и довольно щекотливая тема, недаром те граждане, которые посягают на эти права, караются вплоть до смертной казни.

**** Недавно большую группу хороших студентов-выпускников различных вузов страны собрали на месяц в Ленинграде под каким-то благовидным предлогом (комсомольцев, конечно; сейчас в вузах практически одни комсомольцы). Их сытно кормили и много поили в лучших ресторанах, всячески развлекали – все бесплатно. В общем, дали «покататься как сыр в масле». А потом спросили – хотите всегда так жить? Поступайте в ВПШ! (Высшая партийная школа, самый бездарный станет там минимум вторым секретарем райкома). История, как мне кажется, говорит о многом. В 20-х годах она была бы невозможной.

Правда, часто это раздражение в силу традиций, невежества, предрассудков и различных форм конформизма переадресовывается на интеллигенцию (которая сама является угнетенным слоем), на людей других национальностей (на евреев в России, Белоруссии и на Украине, на русских в среднеазиатских и прибалтийских республиках, на армян в Азербайджане и Грузии и т. д. Даже немногочисленные «цветные» и практиканты из стран «третьего мира» – объект дикой расовой ненависти*. Той же «переадресованной» природы – распространенная нелюбовь к Хрущеву, который, несмотря на многочисленные болезненные для страны «загибы”**, все же внес ценный вклад во многих отраслях жизни (освобождение узников сталинизма, повышение выплат на трудодень в колхозах, значительное увеличение пенсий, расширение жилищного строительства, поиски новых путей в международных отношениях, попытки улучшения стиля руководства, попытки ограничения привилегий «номенклатуры», попытки сокращения непомерных военных расходов – эти два последних начинания явились главной причиной падения Хрущева 11 лет назад).

* Этот великорусский, или «великосоветский», шовинизм часто проявляется советскими гражданами и за рубежом. Недаром в арабских и других странах, где много советских специалистов, их часто ненавидят за презрительное отношение к местному населению.

** Такие, например, как жесткие ограничения приусадебных Участков, бессмысленное и пагубное администрирование в сельском хозяйстве и в области культуры, усиление религиозных преследований, Ужесточение режима в местах заключения и др.

Справедливости ради следует заметить, что нынешнее «брежневское» руководство страны, относясь формально более чем холодно ко всему, что связано с именем Хрущева, на деле усвоило существенную часть позитивных начинаний той эпохи, никак не афишируя этой преемственности и проявляя большую осторожность. Но кое-что при этом было утеряно. А самое главное, развитие событий шло все эти годы по объективным законам социалистической системы, мало поддающимся коррективам и сверху и снизу, и все более выявляло несоответствие между основами системы и требованиями современности.

Иностранные гости иногда задают вопрос: почему, если у вас действительно так много недостатков, народ не примет мер к их исправлению? Однозначно ответить на этот вопрос не просто. Одним из факторов стабильности режима является то обстоятельство, что материальный уровень жизни, хотя и медленно, но все же растет. Каждый человек, естественно, сравнивает свою жизнь не с далеким и недоступным Парижем, а с собственным нищим прошлым. Но еще важнее другое – имманентная крепость тоталитарного режима – инерция страха и пассивности. Нет ни одного народа, который за одно поколение принес бы такие ни с чем не сравнимые жертвы. Наш рабочий – это не английский и даже не польский докер, который при нужде может выйти на улицу. Хотя радиорупора каждый день внушают рядовому советскому гражданину, что он – хозяин страны, но он-то прекрасно понимает, что истинные хозяева – это те, кто по утрам и вечерам проносятся в бронированных черных лимузинах по замершим, перекрытым улицам. Он не забыл, как раскулачивали его деда, и он знает, что и сегодня его личная судьба целиком зависит от государства – от близкого и дальнего начальства, от председателя жилищной комиссии, от председателя профкома, который может устроить, а может и не устроить его ребенка в детский сад, а возможно, и от работающего с ним рядом осведомителя КГБ. Во время выборов он опускает в избирательную урну бюллетень, на котором стоит только одна фамилия. Он не может не сознавать, насколько политически унижают его такие «выборы без выбора», не может не чувствовать заключенного в этой пышной церемонии издевательства над здравым смыслом и человеческим достоинством. Его дрессируют – и он поддается дрессировке, чтобы жить. Он обманывает самого себя. Советский гражданин – порождение тоталитарного общества и до

поры до времени – его главная опора. И я могу только молить судьбу, чтобы выход из этого исторического тупика не сопровождался такими гигантскими потрясениями, о которых мы пока не имеем даже представления. Вот почему я эволюционист, реформист.

Особенно разрушительны последствия партийно-государственного монополизма в области культуры и идеологии. Полная унификация идеологии повседневно – от школьной парты до профессорской кафедры – требует от людей лицемерия, приспособленчества, серости и самооглупления. Непрерывно разыгрывается трагикомический ритуальный фарс всеобщей присяги на верность, оттесняющий на задний план все соображения дела, здравого смысла и человеческого достоинства. Писатели, художники и артисты, педагоги, ученые-гуманитарии существуют под таким чудовищным идеологическим прессом, что приходится удивляться, как искусство и гуманитарные науки не исчезли вовсе в нашей стране. Воздействие тех же антиинтеллектуальных факторов на точные науки и технику более косвенное, но не менее разрушительное. Сравнение научных, технических и экономических достижений в СССР и за рубежом говорит об этом с полной ясностью. Я уже не раз писал об этом. Не случайно именно в нашей стране многие годы не могли нормально развиваться новые и многообещающие научные направления в биологии и кибернетике, а на поверхности пышным цветом расцветали откровенная демагогия, невежество и шарлатанство. Не случайно все крупные научные и технические открытия последнего времени – создание квантовой механики, открытие новых элементарных частиц, открытие деления урана, открытие антибиотиков и большинства новых высокоэффективных медицинских препаратов, изобретение транзисторов, изобретение электронных вычислительных машин, изобретение лазера, выведение новых высокопродуктивных сортов в растениеводстве, открытие других компонентов «зеленой революции», создание новой технологии в сельском хозяйстве, промышленности и строительстве – все это произошло не в нашей стране.

Эффектные достижения первого десятилетия космической эры, обусловленные личными качествами покойного академика С. П. Королева и некоторыми случайными особенностями наших программ военного ракетостроения, допускавшими их непосредственное использование в космосе, – исключение, никак не опровергающее общую закономерность. Определенные успехи в военной технике – результат чудовищной концентрации сил в этой области.

Идеологический монизм, нетерпимость вместе с холодным (хотя и неразумным) политическим расчетом приводят к непрекращающимся преследованиям инакомыслящих. По-видимому, в СССР от 2 до 10 тыс. человек, которых можно назвать политзаключенными. Эта цифра не включает тех, кто страдает за свои религиозные убеждения, – их число, вероятно, еще значительно больше. Следует также оговориться, что наша информация может оказаться очень неполной. Все политзаключенные считаются, по действующему кодексу, уголовными преступниками – отдельного статуса политзаключенного у нас не существует – и делят с заключенными других категорий (тоже часто невиновными) все тяготы и унижения их существования, носящие позорный, недопустимый для нашего времени характер. Попытки разглашения подробностей о содержании и быте заключенных жестоко преследуются – и это лучшее доказательство того, что есть что скрывать. Но все же многое известно: тяжелый принудительный труд, часто с нарушением правил безопасности; недостаточное и плохое питание при практической невозможности улучшить его за счет посылок и передач, которые жестоко ограничиваются (заметим, что подобные ограничения существуют даже при предварительном заключении), жесткие ограничения свиданий, переписки, возможности иметь книги; жестокие, произвольные репрессии. Борьба политзаключенных за свои человеческие права – в последнее время стало известно о многих героических забастовках и голодовках – как правило, приводит только к новым репрессиям.

Советская система мест заключения несет на себе многие черты описанной Солженицыным,

Шаламовым, Гинзбург, Дьяковым, Олицкой и сотнями других очевидцев и исследователей еще более страшной и грандиозной системы ГУЛАГа, уничтожившей более 20 миллионов человек*.

* Для нас, выросших в этой стране, весомей книг личные впечатления и воспоминания, свидетельства родных и друзей, часто не менее ужасные, чем описанное в книгах.

Время от времени в СССР объявлялись амнистии (две последние – к 50-летию образования СССР и к 30-летию окончания войны). Но они носили очень ограниченный частный характер и не распространялись, в частности, на политзаключенных. Кроме того, за администрацией мест заключения сохранилось право не применять амнистию к любому заключенному под предлогом нарушения им режима.

Я считаю, что для исправления существующего недопустимого положения необходимо установление международного контроля над местами заключения и специальными психиатрическими больницами (где условия еще тяжелей) и всеобщая амнистия политзаключенных.

Кто же они – советские политзаключенные? Подавляющее число из них не совершали никаких преступлений в том понимании этого слова, которое принято в демократических странах, не совершали насильственных действий и не призывали к ним. Одна из распространенных причин политических репрессий – чтение, хранение и передача друзьям рукописей самиздата и книг нежелательного содержания (хотя обычно вполне безобидного по существу). В списке таких явившихся причиной ареста и осуждения книг (никакого «индекса» запрещенных книг не существует, но каждый должен соображать сам): «Доктор Живаго» Пастернака, «Реквием» Ахматовой, «Истоки и смысл русского коммунизма» Бердяева, «1984» Орвелла, «Все течет» Гроссмана, «Размышления о прогрессе...» автора этих строк, «Технология власти» Авторханова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, книги Джиласа, «Большой террор» Конквиста, такие самиздатские журналы, как «Хроника текущих событий», «Вече», «Хроника Литовской католической церкви» и очень многое другое*. При этом следует учитывать, что в то время, как в столицах органы государственной безопасности отказались от сталинской практики превентивного изымания из общества потенциальных критиков, в провинции подобная практика, хотя и в ограниченных масштабах, продолжается до сих пор и множество (обычно молодых) людей, часто из рабочего класса и провинциальной интеллигенции, у которых первые робкие сомнения сочетаются с обезоруживающими иллюзиями относительно советской власти, прямым ходом попадает в тюрьмы и лагеря (большинство рабочих, членов партии и людей, объявляющих себя марксистами, – в страшные спецпсихушки, очевидно из соображений «приличия»).

* Пирогову инкриминировалась передача родным попавшей в его руки записки самоубийцы якобы клеветнического содержания, Некипелову и Петрову-Агатову инкриминировались их собственные стихи.

Тюрьмы, и особенно психиатрические больницы, переполнены людьми, пытавшимися тайно уехать из страны или прорывавшимися для этого в посольства, после того как они отчаялись осуществить это свое право официальным путем; надоедливыми жалобщиками и «борцами за справедливость». В заключении – десятки крымских татар и месхов-турков**.

** Сегодня третий срок угрожает одному из наиболее мужественных борцов за право крымских татар жить на родной земле – Мустафе Джемилеву.

Среди страдающих за убеждения очень многочисленную группу составляют верующие. Религиозные преследования являются ужасной традицией всех социалистических стран, но мало где, кроме, быть может, Албании, достигли такого размаха и глубины, как в СССР. Уже в 20–30-х годах удар был нанесен по наиболее массовым религиям – православию и мусульманству, понесшим неисчислимые жертвы. Сейчас положение этих религий настолько унижено и несправно, что они (по крайней мере, на поверхности) стали почти что придатком государства. Я никак не хочу при этом умалить значение веры и внутреннего неконформизма их сторонников.

Сейчас центр тяжести репрессий явно перенесен на относительно малочисленные в нашей стране религиозные группы, проявляющие большую строптивость, – на униатов, баптистов, католиков, сторонников истинно православной церкви, пятидесятников, буддистов. Широко известно о преследованиях представителей этих групп, об экономических санкциях, о судебных процессах с осуждением на длительные сроки. Особое внимание привлекло недавнее осуждение баптистов Румачика и Винса, трагическая смерть в лагере осужденного за религиозную деятельность буддиста Бидии Дандарона, зверское убийство диакона-пятидесятника, выразившего желание вместе с паствой эмигрировать в США. Одной из наиболее изуверских форм религиозных преследований является отбирание детей от родителей – с целью отгородить их от «пагубного» религиозного воспитания. Религиозные преследования являются вопиющим нарушением принципа отделения церкви от государства, нетерпимым в демократическом обществе вмешательством государства в личные убеждения граждан.

Многочисленная группа политзаключенных – так называемые «националисты» из Украины, прибалтийских республик, Армении. Приговоры этим людям, которым в вину в большинстве случаев ставится их озабоченность сохранением национальной культуры перед лицом вполне реальной угрозы русификации, – особенно суровые. В Армении на восемь лет осужден 27-летний Паруйр Айриkyан¹, ранее отсидевший уже 7 лет.

¹ В 1988 году выслан из СССР. – Прим. ред.

Одна из особенностей судебных процессов по политическим обвинениям – нарушение принципа гласности (попросту, никого не пускают в зал, кроме двух-трех ближайших родственников и представителей КГБ) и отсутствие даже видимости беспристрастного разбирательства. До сих пор западному читателю трудно в это до конца поверить, такие вещи надо видеть собственными глазами, как и многое другое в нашей стране.

Так называемые «заведомо ложные клеветнические измышления» – основное обвинение в политических процессах – никогда не проверяется судом по существу, достаточно того, что они кажутся (должны казаться) клеветническими прокурору, судьям, КГБ.

Особо следует «сказать о судьбе людей, осужденных за их заботу об участии несправедливо, по их мнению, осужденных, за стремление к гласности и справедливости. Это судьба Леонида Плюща, члена инициативной группы по защите прав человека в СССР, подвергающегося ужасным мучениям, граничащим с психическим убийством, в Днепропетровской психиатрической больнице, Буковского и Глузмана, осужденных за разоблачение психиатрических репрессий на 7 лет заключения каждый, недавно арестованных Андрея Твердохлебова и Сергея Ковалева и многих других. Фактически именно такие люди, сплоченные репрессиями и благородной решимостью не поступаться велением сердца и убеждениями, и образуют то, что можно назвать «демократическим движением». Несмотря на крайнюю малочисленность этих людей, в основном сосредоточенных в двух-трех крупнейших городах страны и никак организационно не

объединенных, нравственное значение самого факта их существования в монолите советского общества очень велико.

Я убежден, что защита советских политзаключенных и других инакомыслящих, борьба за большую гуманность в местах заключения, за права человека вообще – не только нравственный долг честных людей во всем мире, но и непосредственная защита прав человека в их собственных странах. Однако мы часто сталкиваемся с отсутствием интереса к нашим бедам. После визита премьер-министра Великобритании Г. Вильсона (к которому я обратился с очередным посланием) я услышал по радио спокойный комментарий какого-то журналиста, что, дескать, Вильсону нельзя было вмешиваться в дела о правах человека в СССР, так как этими проблемами в основном интересуются «правые» элементы и он не мог с ними солидаризоваться. Я надеюсь, что позиция Вильсона совсем иная, но каков все же возможный уровень цинизма!

В феврале этого года с обращением об амнистии политзаключенных, об облегчении их участи выступили совместно Генрих Бёль и я. В нашем письме особо были выделены Владимир Буковский, Семен Глузман, Леонид Плющ и ряд других политзаключенных, в том числе женщины мордовского политического лагеря. Я надеюсь, что это обращение не прошло незамеченным за рубежом и в нашей стране стало известно тем, от кого зависит восстановление справедливости¹.

1 Преследования за убеждения стали исключениями. Необходимо, чтобы они исчезли совсем.

В предыдущие десятилетия миллионы погибали в полной безвестности. Изменение обстановки в стране создало физическую возможность пробить брешь в заговоре молчания, и многие самоотверженные, смелые и талантливые люди решились и сумели воспользоваться этой возможностью. Но это вновь был подвиг, повлекший новые жертвы. В самое последнее время особенно велика заслуга издателей анонимного информационного самиздатского журнала «Хроника текущих событий» и некоторых других групп и смелых одиночек. Очень велика роль писателей, которые сумели открыть миру тщательно скрываемые стороны нашей действительности – я имею в виду не только лагеря, но и всю психологическую, социальную, нравственную и экономическую обстановку. В разоблачении же лагерных преступлений особенно велика роль непосредственных свидетелей, многие из которых, в частности, удивительные люди страшной судьбы, как Марченко, Шумук, Шухевич, вновь лишены свободы за свои правдивые показания. На длительные сроки заключения осуждены Хаустов и Суперфин, имевшие, по утверждению судов, отношение к опубликованию за рубежом тюремных дневников одного из участников ленинградского «самолетного» дела Э. Кузнецова. На протяжении многих лет органы государственной безопасности особенно яростно преследовали всех, имеющих хотя бы малейшее отношение к «Хронике текущих событий», к ее распространению или, предположительно, к изданию, а услужливые судьи бездоказательно объявляли ее «клеветнической» и щедро клеили сроки. Один следователь недавно заявил: «Хроника» – клеветническое издание, если 10% ее материалов ошибочны. Но никто еще не привел примеров даже 1% ошибок, хотя они, конечно, в принципе возможны и анонимные издатели показали свою готовность к их исправлению. Среди людей, у которых обвинение в распространении «Хроники» было главным, я хочу особо напомнить о двух ученых, осужденных в 1972 году, – об известном астрофизике Крониде Любарском и о математике Александре Болонкине.

За эти годы находились отдельные люди, которые каялись в своих якобы ошибочных поступках, но в целом история «Хроники» – это полное моральное поражение органов власти. В мае прошлого (1974) года три человека – Сергей Ковалев, Татьяна Ходорович и Татьяна Великанова – объявили, что они берут на себя ответственность за распространение

«Хроники». Значение этого смелого акта только подтверждается недавним арестом одного из них – талантливого биолога Сергея Ковалева. Сергей Ковалев является одним из членов советской группы Международной амнистии – международной организации, ставящей своей целью защиту во всем мире политзаключенных, «узников совести», по ее определению, не совершавших действий насилия или призывов к ним. Эта организация пользуется большим уважением во всем мире за свою политическую беспристрастность, гуманность и активность. Тем более печален факт ареста ее члена в СССР. Но этим дело не ограничилось. 18 апреля в Москве арестован секретарь советской группы Международной амнистии Андрей Твердохлебов, также пользующийся большой известностью как человек безупречных принципов, выдающегося ума и душевных качеств, очень много сделавший для защиты прав человека. В тот же день был произведен обыск на квартире председателя группы Международной амнистии Валентина Турчина, а также члена группы Владимира Альбрехта, и задержан (тоже после обыска) еще один член группы, украинский писатель Микола Руденко; 27 мая Руденко был исключен из Союза писателей Украины (заочно, т. е. с нарушением устава, причем на собрании отмечалось его членство в «буржуазной организации»). Факты преследования членов Международной амнистии в СССР уже вызвали протесты во всем мире. Подобные преследования, конечно, совершенно недопустимы в демократической стране.

Я надеюсь, что Международная амнистия пошлет представителей на процессы своих членов, отказать ей в этом было бы огромным позором для советских властей.

Наряду с судебными преследованиями инакомыслящих очень существенны внесудебные – увольнения с работы, препятствия к получению образования и работы детьми и т. п. Мне кажется, что на Западе очень плохо понимают, насколько все это серьезно в нашем тоталитарном государстве. Судьба двух крупных ученых – председателя Советской группы Международной амнистии физика и математика доктора наук Валентина Турчина и физика члена-корреспондента Армянской Академии наук Юрия Орлова, члена той же группы, уволенных более года назад за открытые выступления в мою защиту в сентябре 1973 года, чрезвычайно показательна.

Необходимо подчеркнуть, что оба эти выступления были в высшей степени спокойными, лояльными, что вполне соответствует терпимому и доброжелательному уму настроению их авторов, и содержали мысли, к которым не грех было бы прислушаться. Но где тут. Сигнал из КГБ – и на смерть перепуганные начальники и сослуживцы принимают меры. Поступить же после подобного «идеологического» увольнения на какую-либо другую работу Орлов и Турчин абсолютно не могут, тем самым лишены всех средств к существованию, даже частные уроки им получить нелегко. Люди, попавшие в подобное положение, счастливы, когда, работая подсобным рабочим на стройке, могли за 10 дней заработать 100 рублей (40 долларов).

Формами внесудебного преследования являются также: высылка за границу (примененная к Александру Солженицыну); создание для человека условий, при которых он вынужден эмигрировать, что фактически эквивалентно высылке (очень много примеров), последний по времени наиболее трагичен – это Анатолий Марченко; (после того как Марченко отказался по принципиальным соображениям от желательной для его притеснителей эмиграции через Израиль, он был арестован и осужден на ссылку); лишение советского гражданства лиц, оказавшихся за рубежом (Валерий Чалидзе, Жорес Медведев). Мой друг Валерий Чалидзе явился первым, кто стал жертвой этого последнего варианта. Я тогда, поддавшись эмоциям и безосновательным опасениям, опубликовал по этому поводу двусмысленно звучащее заявление; мало есть действий, в которых я так раскаиваюсь, как в этом.

Очень трагична судьба людей, осужденных на 25 лет заключения до принятия в 1958 году нового законодательства, устанавливающего максимальный срок заключения в 15 лет.

Обычно любой закон, смягчающий участь осужденных, имеет обратную силу. Но по специальному решению Верховного Совета СССР (ни у одного из депутатов рука не дрогнула) эти люди до сих пор в лагерях. Вот судьба одного из них. Литовский учитель Петр Паулайтис в 1943 году за спасение группы евреев был направлен гитлеровцами в лагерь уничтожения, но бежал. В 1946 году за издание подпольной националистической газеты осужден на 25 лет. В 1956 году амнистирован, но через два месяца без каких-либо новых причин вновь осужден на 25 лет; сейчас находится в мордовском политическом лагере (срок заключения – до 1981 г.). Другой литовец – глубоко уважаемый друзьями за честность и принципиальность Людвигас Симутис досиживает свой 25-летний срок (до 1980 г.), будучи большую часть времени прикован к больничной койке – у него костный туберкулез. Не менее драматична судьба украинцев Пронюка и Караванского* и десятков других. Я, как и большинство читателей этих строк, никого из них никогда не видел в глаза; но судьба, напоминающая о судьбе узников средневековых тюрем, а в наши дни – несчастного Гесса, – не может не потрясать. Я пишу о Гессе, зная о его соучастии в создании преступной системы нацизма, но пожизненное заключение почти эквивалентно смертной казни, которую я отрицаю принципиально, безотносительно к тяжести совершенных преступлений¹.

* Караванский в заключении почти непрерывно с 1944 года. Последний срок – за подборку сведений о Катынской трагедии.

¹ Упоминание о Гессе вызвало негативную реакцию. Но я не имел в виду оправдание нацизма и приуменьшение личной ответственности Гесса.

Уже несколько столетий мыслители многих стран – в их числе Беккариа, Гюго, Толстой – настойчиво призывали к отмене смертной казни как безнравственного, бесчеловечного и вредного института. В последние годы казнь отменена в большинстве развитых стран, но в СССР этот шаг считается «несвоевременным» и ежегодно расстреливается (по моей приближенной оценке) от 700 до 1000 человек по широкому перечню обвинений – от убийства с отягчающими обстоятельствами до «хищения государственного имущества в особо крупных размерах», запрещенных валютных операций и других необычных для западного права оснований. Все эти дела никак не освещаются в печати и обычно остаются известными лишь очень узкому кругу лиц, общая же картина преступности, в особенности статистические данные, вообще тщательно засекречиваются. Существенно также, что юридический и нравственный уровень судопроизводства в стране – ниже всякой критики*.

* В 60-х годах во время очередной кампании по борьбе с коррупцией большинство судей и прокуроров одного из районов Москвы были сняты за систематическое взяточничество. Принцип презумпция невиновности официально признается, но это – тарбарская грамота не только для народных заседателей, но и для большинства судей по уголовным делам.

В нашей стране действительно совершается много тяжелых преступлений, часто на почве пьянства и других социальных причин; я знаю также, что эти беды, хотя и с различной степенью остроты, носят общемировой характер. Я убежден, что смягчить их можно не продолжением и усилением репрессий, а только нравственным подъемом, обращением людей к простым и истинным общечеловеческим ценностям, общечеловеческим сближением – тем, что сделает людей более счастливыми и внутренне свободными. Отмена смертной казни особенно необходима нашей стране, отравленной духом жестокости и безразличия к человеческим страданиям.

Завершая главу, хочу коснуться нескольких отдельных вопросов.

Недавно в самиздате и в зарубежной печати развернулась дискуссия, вызванная острыми

выступлениями А. И. Солженицына, И. Р. Шафаревича и др. по принципиальным вопросам настоящего и будущего нашей страны. Некоторые из тезисов Солженицына показались мне неверными и вызывающими опасения, я счел необходимым отметить это в небольшой опубликованной мною заметке. Позже Солженицын разъяснил и уточнил свою позицию; сегодня я не вижу поводов для продолжения дискуссии. Но уже никому специально не возражая, я все же хочу сформулировать свою точку зрения: спасение страны – в ее взаимодействии со всем миром и невозможно без спасения всего человечества. Необходимы демократические реформы, затрагивающие все стороны жизни; будущее страны – в ориентации на прогресс, науку, личное и общественное нравственное возрождение. Нельзя ограничить пути этого возрождения только религиозной или националистической идеологией или какими-либо патриархальными устремлениями в духе Руссо. Никто не должен рассчитывать на быстрое и универсальное решение великих проблем. Все мы должны набраться терпения и терпимости, соединяя их, однако, со смелостью и последовательностью мысли, но нельзя призывать наших людей, нашу молодежь к жертвам; люди в нашей стране тотально зависимы от государства, и оно проглотит каждого, не поперхнувшись, а что касается жертв, то их уже было более чем достаточно.

Выстраданный призыв к национальному покаянию России – благороден. Он противопоставлен великорусской экспансии, национальной вине и беде. Но не связано ли и то и другое одной и той же роковой философской ошибкой, которая неминуемо влечет за собой моральные изъяны и трагические последствия? Ведь не случайно религия и философско-этические жизнеутверждающие системы, например, близкие взглядам Швейцера, обращают свое внимание к человеку, а не к нации, именно человека призывают к осознанию вины и к помощи ближнему.

Принципиальные трудности осуществления глубокой реформы без дополнения ее целым спектром политических и социальных демократических преобразований отразились в одном трагическом эпизоде, о котором я сейчас хочу рассказать. Около года назад в тюрьме умер Худенко, руководитель разрешенного при Хрущеве «социально-экономического» эксперимента. Руководя большим совхозом, он имел право полной самостоятельности во всех финансовых, кадровых и экономических вопросах. Ему удалось уменьшить число рабочих совхоза в пять раз при одновременном увеличении производства продукции. Себестоимость продукции была уменьшена, зарплата же каждого рабочего возросла в несколько раз. Ясно, что такие изменения очень выгодны рабочему и стране, но они идут вразрез с консерватизмом, трусостью и эгоистическими интересами номенклатуры. Поэтому от Худенко предпочли избавиться. Уже после того, как совхоз был закрыт по приказу министерства республики, Худенко подал заявление в суд с требованием о выплате рабочим заработанных ими денег. Он был обвинен в попытке нанесения государству ущерба в особо крупных размерах. Такое преступление влечет наказание вплоть до смертной казни, но к нему было проявлено «снисхождение» (с учетом заслуг в прошлом, семейного положения и состояния здоровья), и он был осужден на восемь лет заключения, оказавшихся все же для него смертным приговором.

Внутренние особенности строя имеют очень существенные последствия во внешнеполитических проявлениях. Я буду писать об этом в следующих главах. Сейчас подчеркну только некоторые обстоятельства, в первую очередь – закрытость общества и тоталитарный, кабинетный характер руководства, способного принимать решения втайне, без какого-либо предварительного открытого обсуждения, а также огромные бесконтрольные финансовые возможности тайных действий в других странах. Чрезвычайно существенно также, что все отношения нашей страны с внешним миром, как тайные, так и открытые – дипломатические, торговые, научные, пропагандистские, – могут целенаправленно контролироваться по единому плану, единой волей. Все эти особенности дают советской

внешней политике особые качества – большую динамичность, прагматическую беспринципность, которая проявляется, например, в поддержке громадными поставками советского оружия тиранических режимов Амина в Уганде, Каддафи в Ливии и во многих других странах, в поддержке геноцида народа ибо в Нигерии, курдов в Ираке и т. п., в использовании национальной, религиозной и политической вражды во многих районах мира для расширения влияния. Они дают возможность при необходимости легко нарушить любые соглашения, жестокость, огромные возможности тайных подрывных действий в других странах – подкупа, обмана, шантажа, организации «пятых колонн». Несомненно, что эти особенности создают дополнительную опасность, дополнительный вызов для всего человечества, и без того находящегося в крайне сложном положении.

Очень существенно также, что благодаря сохраняющейся сверхмилитаризации именно СССР поддерживает необходимость высоких военных расходов во всем мире. Советские поставки оружия – один из способов расширения зон влияния, влекущий за собой одновременно расширение зон конфронтации и кровавых конфликтов, нарушающий нормальное экономическое развитие стран, в которые поставляется оружие.

Хроническое неблагополучие сельского хозяйства нашей страны, которая до революции была житницей Европы, является одной из важнейших причин, затрудняющих решение мировой продовольственной проблемы.

Отсутствие в социалистических странах экономических рычагов управления хозяйством, бюрократическое лжепланирование, закрытость страны, хищная безответственность бюрократии – все это очень затрудняет сотрудничество с ними по проблемам охраны среды.

Необычайно важно широкое осознание всех этих фактов в их взаимосвязи. Только при этом условии можно рассчитывать на осуществление согласованных и целенаправленных действий, противостоящих опасностям, угрожающим человечеству. Эта глава получилась-таки, по обычным нашим стандартам, довольно «злопахательской». В мучительные часы после работы я время от времени невольно ощущаю чувство неловкости, почти стыда. Делом ли я занят? Я думаю о тех, кому имя легион, кто делает свое безусловно непосредственно полезное дело – выращивает пшеницу и свеклу, строит дома, мосты и автомобили, лечит детей и пломбирует зубы, пишет стихи и работает в лаборатории – и мечтает о том, что он полезен людям, мечтает о личном счастье. Но нет, я не предаю никого из них, не бросаю тень на их честный труд и мечту, не предаю и самого себя, свои возможности (такое самопредательство ведь тоже очень плохое дело). Быть может, мне не хватает таланта для этой моей работы, остроты ума и способности к обобщению, наблюдательности и знания жизни для задачи, которую передо мной поставила судьба. Но если я внутренне честен, то мне не в чем упрекнуть себя, и моя работа должна оказаться полезной, так же как и работа любого другого труженика.

II. О СВОБОДЕ ВЫБОРА СТРАНЫ ПРОЖИВАНИЯ

В последние годы внимание общественного мнения было привлечено к проблеме свободы эмиграции из СССР, которая представляет собой часть 'более общей, исключительно важной проблемы свободного выбора страны проживания и места проживания и работы в пределах данной страны. Эти права провозглашены Всеобщей декларацией прав человека (ст. 13) и получили подтверждение в Пактах о правах человека, принятых Генеральной Ассамблеей ООН в 1968 году. Правительство СССР ратифицировало Пакты в 1973 году, раньше других великих держав, однако практика осуществления многих прав, в том числе права на свободный выбор страны проживания, и отсутствие соответствующих гарантий во внутреннем законодательстве вызывают серьезное беспокойство.

В последние месяцы в этой области произошли очень важные события. В декабре 1974 года конгресс США принял закон о торговле с поправкой, согласно которой предоставление СССР

и другим социалистическим странам статуса наибольшего благоприятствования и кредитов было обусловлено выполнением некоторых гарантий, относящихся к праву на эмиграцию. О том, что такие гарантии в закрытом дипломатическом порядке были даны советским правительством, конгрессу сообщил ранее государственный секретарь Г. Киссинджер. Незадолго до принятия закона конгрессом советское правительство в опубликованной ноте дезавуировало сообщение Киссинджера, а после принятия закона объявило об одностороннем разрыве торгового соглашения 1972 года, включая соглашение о платежах по ленд-лизу. Вскоре ряд капиталистических стран (Англия, Франция, Иран, Япония) заключили с СССР соглашения, в результате которых СССР получил кредиты на 8 млрд. долларов (по сообщению президента Форда), то есть на сумму, во много раз превышающую предоставленный США кредит в 350 млн. долларов.

После этих событий авторы поправки к закону о торговле и ее сторонники подверглись чрезвычайно острой и, как я считаю, несправедливой, критике.

Те из американских бизнесменов, которые рассчитывали получить крупные барыши от торговли с СССР (заметим, что главным образом – за счет американского налогоплательщика), были очень разочарованы таким поворотом дела, когда этот бизнес в значительной степени переходит в руки их европейских и японских конкурентов. Политические деятели, принадлежащие к противникам и конкурентам сенатора Джексона и его сторонников, тоже сочли возможным воспользоваться ситуацией, чтобы опорочить авторов поправки. В ряде статей и выступлений Джексона и его сторонников упрекают в авантюризме, нанесшем ущерб американским экономическим интересам и политике разрядки, а также эмиграции из СССР. Аргументация при этом следующая – якобы Советский Союз как могущественное суверенное государство не мог согласиться с вмешательством в его внутренние дела, и поэтому «экономический шантаж» Джексона привел к «противоположному результату». К сожалению, к этим критикам присоединился президент США Форд. В своем выступлении он сказал, что хотя конгресс, по его мнению, руководствовался гуманными целями, но принятая поправ-

ка оказалась антиэффективной, якобы затруднила проблему эмиграции и нанесла ущерб экономическим интересам США. Он сказал также, что более успешными были методы «тайной дипломатии», которые привели к увеличению эмиграции, а теперь по вине конгресса она вновь упала.

Конечно, далеко не все американцы придерживаются позиции осуждения поправки. Большинство членов конгресса, насколько я знаю, стоят на твердой и принципиальной позиции и не отступают перед советским давлением. С особой симпатией я услышал по радио изложение выступления профсоюзного лидера Дж. Мини, который отразил точку зрения рабочего класса США – более дальновидную, чем у иных бизнесменов и политиков.

Свою точку зрения на проблему я выразил в целом ряде документов – в «Открытом письме членам Верховного Совета СССР» (сентябрь 1971 г.), в четырех открытых обращениях к конгрессу США в 1973-1975 годах, в выступлении, написанном для собрания «Еврейских активистов США» в мае 1975 года. Я полностью солидаризируюсь в этих документах с аргументацией сенатора Джексона и его сторонников и выдвигаю некоторые дополнительные соображения. Я считаю, что принятие конгрессом США поправки к закону о торговле является актом исторического значения, который продолжает лучшие демократические и гуманистические традиции американского народа. Я отрицаю утверждения критиков поправки, что она представляет собой вмешательство во внутренние дела СССР. Право на свободный выбор страны проживания подтверждено в ратифицированных СССР Пактах о

правах человека. Это право имеет первостепенное международное значение для обеспечения международного доверия и открытости советского общества, что существенно для безопасности всего человечества. Это право имеет также исключительное общесоциальное значение для всех граждан – и уезжающих, и особенно остающихся как гарантия выполнения остальных социальных и гражданских прав, – но лишь при наличии внутреннего законодательства, защищающего каждого желающего уехать от ничем не ограниченного бюрократического произвола. Я особенно подчеркиваю гуманистическую сторону вопроса – тысячи людей, желающих соединиться со своими близкими, исходящих из национальных побуждений, стремящихся избежать национальной или иной дискриминации, национального унижения, преследуемых властями, не имеющих по тем или иным причинам возможности жить и работать в СССР, не имеющих в СССР свободы творчества, пришедших по каким-либо иным причинам к трудному, но бесповоротному решению уехать – все они должны иметь это право. Я повторяю также, что право уехать должно быть у всех, в том числе и у тех составляющих подавляющее большинство, которые не собираются уезжать. Только имея все права, человек свободен. Живя в доме с дверью на замке, ты чувствуешь себя узником, даже если у тебя и нет необходимости выйти на улицу и ты не бьешься головой об эту дверь день и ночь. Такие узники – сейчас мы все.

Я отрицаю также утверждения, что принятие поправки фактически повредило эмиграции, – наоборот, только непрерывное давление на власти нашей страны сделало возможным те частичные успехи, которых удалось достигнуть за последние годы, во всяком случае в деле еврейской эмиграции. Но прогресс в эмиграции других групп отстает. Сейчас чисто еврейская эмиграция переживает незначительный временный спад (главная причина – что большинство более решительных людей смогли уехать; есть и другие временные причины). Конечно, этот спад никак не связан с поправкой к закону о торговле (он начался много раньше) и, тем более, не может служить аргументом против нее. Анализ хода событий вокруг поправки показывает, что истинной причиной возникших трудностей явилось вовсе не вмешательство во внутренние дела СССР (ведь заверения, о которых говорил Киссинджер, несомненно, имели место), а недостаток единства стран Запада. Парламенты западных стран никак не поддержали инициативу конгресса США. В Лондоне, Бонне, Париже и Токио не только не были приняты какие-либо государственные акты, аналогичные американской поправке, но даже не было намека на обсуждение этой проблемы. «Кредитная приманка» была обесценена встречными предложениями других западных стран. Отсутствие единого фронта, чувства локтя, согласованности – вот что сделало возможным советский контрманевр. Но европейцы, пережившие ужасы гитлеровского фашизма, должны не хуже американцев понимать необходимость защиты прав человека. Поэтому я надеюсь, что в будущем эта защита не только будет лейтмотивом в Европейском совещании по безопасности, но и проявится в разнообразных государственных актах.

Я убежден, что какое-либо отступление конгресса в принципиальном вопросе, имеющем такое большое международное гуманистическое и нравственное значение, совершенно недопустимо*. Я надеюсь, что все международные гуманистические организации (а не только еврейские организации) будут способствовать более дальновидной, более единой политике всех западных стран. Вопрос о свободе выбора страны проживания оказался пробным камнем для всего хода процесса разрядки. В какой-то мере именно сейчас решается вопрос о том, что такое разрядка – глубокий, всесторонний процесс исторического значения, который включает демократизацию, увеличение открытости советского общества, или беспринципная политическая игра, которая соответствует чьим-то локальным и временным политическим и экономическим интересам, а в целом представляет собой сговор за спиной народов и капитуляцию перед советским давлением и шантажом.

* (Добавление от 2 июля 1975 г.). 29 июня – 2 июля в Москве находилась делегация сената США; по сообщениям зарубежного радио, она вела переговоры с целью нахождения компромисса в вопросе о поправке к закону о торговле. По дошедшим до меня непроверенным сведениям, некоторые из сенаторов в качестве компромисса предлагали следующее соглашение – советские руководители дают обещание существенно облегчить эмиграцию и увеличить квоту, конгресс снимает поправку, и после этого СССР возобновляет торговые соглашения. Если это верно, то этими сенаторами предлагается капитуляция. Но разве не ясно, что соглашение, не подкрепленное законодательным оформлением права на эмиграцию, будет в любой подходящий момент нарушено, а до этого оставляет каждого желающего эмигрировать лицом к лицу с ничем не ограниченным произволом. В любых других аспектах разрядки после такой позорной капитуляции уже нельзя будет никак противостоять советскому шантажу, долгосрочные последствия могут быть ужасающими. Так же очевидно, что предлагаемое соглашение означает фактическую сделку, предающую возможность эмиграции немцев и всех других нееврейских эмигрантов. Как раз сегодня я узнал о новых арестах среди немцев (подготовка к визиту Брандта). И ради чего все это делается? Ради расширения торговли с СССР? Но что она дает американской и западной экономике, если не говорить о русской водке и других столь же необязательных предметах? Говорят, золото, сырье, нефть и газ. Но золото – это не товар, и выбрасывание на мировой рынок больших масс золота Колымы в обмен на реальные, «живые» товары только увеличивает инфляцию, ничего не давая людям. Что же касается сырья и топлива, то неужели США хотят возможности повторения в более крупных масштабах событий нефтяного шантажа 1973 года? Зачем ставить американскую и мировую экономику в такую зависимость от тоталитарных стран. Я уж не говорю о стратегической опасности такой зависимости. Остается одно – гуманная и социальная цель разрядки: демократизировать социалистические общества, сделать их более открытыми для свободного обмена людьми и информацией и тем самым менее опасными для всего человечества. Но не капитуляцией перед шантажом достигается такая цель! Я по-прежнему надеюсь, что большинство конгресса США понимает это.

Я пользуюсь случаем отметить – это замечание имеет значение не только для данной проблемы, – что, несмотря на инфляцию, топливный кризис, трудности с занятостью, экономика США и других развитых стран Запада стоит на гораздо более здоровой основе, чем хронически перенапряженная, милитаризованная и хаотически управляемая экономика СССР. Поэтому, если Запад найдет в себе возможности пойти на временные (очень несущественные по нашим стандартам) ограничения, то никакое экономическое давление на него не будет эффективным и, наоборот, он получит рычаги для достижения важнейших целей долгосрочного значения.

Эту главу я хочу закончить одним замечанием. Во многих газетных статьях, в некоторых передачах зарубежных радиостанций, в частности «Голоса Америки», даже в некоторых выступлениях ответственных государственных деятелей содержится подмена общего вопроса о свободе выбора страны проживания более частным вопросом о еврейской эмиграции в Израиль. Я считаю такую подмену не только неточной, но и крайне вредной. При всем том я нисколько не хочу умалить значения еврейской эмиграции в Израиль и ее трудностей, я считаю ее явлением общечеловеческого значения и принципиально важной в тысячелетней трагической истории еврейского народа. Я понимаю и уважаю национальные чувства евреев, едущих строить и защищать свою новообретенную родину, возникшую вновь после столетий рассеяния. Я знаю, что у очень многих евреев родственники за рубежом, что обстановка то скрытого, то явного национального унижения, иногда фактической дискриминации, бесперспективность в работе особенно часто заставляет людей еврейской национальности

принимать решение об отъезде. Я знаю о трудностях, с которыми встречается еврейская эмиграция, о сотнях отказников, которые годами не могут добиться разрешения на выезд, о репрессиях и преследованиях, которые в последнее время вновь усилились*. Но сводить всю проблему к еврейской эмиграции – недопустимо. Такая подмена выхолащивает общесоциальное и международное значение права на свободную эмиграцию и возвращение людей. Она оставляет без защиты право на эмиграцию лиц других национальностей, дает возможность расправляться с ними «втихую». Наконец, эта подмена дает возможность нашим властям поддерживать традиционный антисемитизм и использовать его, в частности, против демократического движения.

* Недавнее осуждение двух евреев – Нашпица и Цытленка – за 15 секунд демонстрации на 5 лет ссылки каждого – новое подтверждение этой тревожной тенденции. В осуждении в Виннице заслуженного врача Штерна я вижу также пренебрежительное отношение к врачебной профессии, невысказанное, как мне кажется, в любой другой стране. Есть сведения о подготовке новых репрессий.

Особо я хочу упомянуть проблему эмиграции в ФРГ лиц немецкой национальности. Для советских немцев национальное унижение стало повседневной судьбой. В каждой семье – погибшие во время депортации, в резервациях и лагерях. Почти полное отсутствие людей с высшим образованием. Невозможность поддерживать национальную культуру, даже язык полузабыт. В школе, на работе – то и дело кличка «фашисты», плод националистически военизированной полукультуры, влияния радио, телевидения и, увы, школы. До сих пор эмиграция советских немцев в ФРГ встречает очень слабую поддержку за рубежом, тут большая доля вины ложится на их соотечественников, на общественные организации, на государственных деятелей ФРГ. Для немцев особенно чувствительно требование властей при подаче заявления на выезд иметь вызов от близких родственников (часто – по произволу властей, только родителей, которые давно похоронены в казахстанских степях), характеристики с места работы и т. д. Тысячи людей годами получают формальные отказы, выбиты из жизненной колеи. Десятки немцев находятся в заключении за свое желание выехать. Некоторые мои зарубежные друзья говорят, что многим прибывшим в ФРГ немцам трудно приспособиться к новой жизни, что они становятся там обузой. Но ведь здесь всем, решившимся на выезд, просто невозможно жить, они просто погибают.

Я очень благодарен навестившему меня сенатору Дж. Бакли, который с пониманием отнесся к этой проблеме и согласился взять у меня список 6 тыс. немцев из Казахстана, желающих репатрироваться в ФРГ. Этот список, конечно, далеко не полный, составлен группой самоотверженных людей; некоторые из них находятся за это в заключении. Список был передан мне недавно уехавшим в ФРГ немцем Ф. Руппелем. Бакли передал список канцлеру ФРГ; я надеюсь, «что в трудной судьбе перечисленных в списке лиц наступит долгожданное улучшение.

Очень трагично положение с эмиграцией многих других групп – армян, в том числе, репатрировавшихся в СССР и сейчас желающих уехать обратно, украинцев и русских, литовцев, латышей, эстонцев, представителей преследуемых религиозных групп – пятидесятников, баптистов и других. Особую группу составляют люди, желающие эмигрировать или поехать в социалистические страны, чаще всего по семейным мотивам; в силу зависимости этих стран от СССР их положение особенно незащищено. Все эти люди нуждаются в международной защите.

III. ПРОБЛЕМЫ РАЗОРУЖЕНИЯ

Человечество стоит перед угрозой гибели цивилизации и физического уничтожения от

бесконтрольного наращивания термоядерных арсеналов и нарастания конфронтации. Устранение этой угрозы имеет безусловный приоритет перед всеми остальными проблемами международных отношений – я много раз об этом писал и считаю необходимым повторить еще раз. Поэтому так важны переговоры о разоружении, дающие проблеск надежды в темном мире самоубийственного ядерного безумия. Но мне кажется, что и в этой критической проблеме сказываются те же недостатки подхода к «разрядке», о которых я уже говорил, – разобщенность Запада, иллюзии у одних и политическая игра других. Особенно важно подчеркнуть, что проблемы разоружения неотделимы от других основных аспектов разрядки – от преодоления закрытости советского общества, от укрепления международного доверия, от ослабления тоталитарного характера советского общества. Поэтому, даже если стремиться к решению только одной проблемы разоружения как самой важной, все равно для ее решения необходимо неослабное внимание к человеческим проблемам, к защите прав человека, к облегчению обмена людьми и информацией как основы международного доверия. Эту «неделимость разрядки» нельзя забывать. Соглашения Никсона и Брежнева, Форда и Брежнева о противоракетной обороне, о наступательном стратегическом оружии очень важны. Но я, выступая в качестве «аутсайдера», в первую очередь хочу подчеркнуть то, что в них кажется мне несовершенным, даже опасным.

Если говорить в общем плане – это недостаточное внимание к проблемам контроля, недооценка особенностей нашего тоталитарного государства, возможных особенностей его стратегической доктрины и закрытости.

Советская сторона во всех переговорах о разоружении всегда занимала очень жесткую позицию в вопросах контроля. Причин тут много – закрытость советского общества, традиционная (и бессмысленная в наше время) шпиономания, желание блефовать (то есть создавать впечатление большей силы, чем на самом деле), „желание получить преимущества внезапности и неожиданности. Этой жесткой (и в конечном счете неразумной) позиции необходимо противопоставить большую твердость Запада, основанную на реальной силе и доброй воле.

Другой столь же принципиальный вопрос – опасение, что стратегическая доктрина и практика тоталитарного государства может оказаться более безжалостной к населению своей страны и ко всему человечеству, более авантюристической, более подверженной случайностям, зависящим от личности и кабинетных решений, чем в более демократическом государстве.

Прежде чем конкретно обсуждать соглашения, я еще хочу остановиться на распространенном недоразумении, что советская сторона по экономическим причинам в большей степени заинтересована в истинном разоружении, чем ее западные партнеры по переговорам. Из этого предположения делаются далеко идущие и опасные, по-моему, выводы о целесообразности одностороннего разоружения Запада. К сожалению, дело обстоит гораздо сложнее. Конечно, экономическая система нашей страны, несущая огромный груз военных расходов, крайне перенапряжена, и перевод многих миллионов рублей на мирные цели – в высшей степени в интересах большинства народа. Но реально кардинальное изменение в таком определяющем вопросе, как милитаризация экономики нашей страны, невозможно без глубоких общеполитических изменений. Сейчас доминирующая черта политики властей – по возможности ничего существенного не менять, чтобы не нарушить сложившегося равновесия вещей, а в конечном счете – чтобы не поставить под удар положение элиты и ее привилегии, тесно вплетенные в это существующее положение*. Можно опасаться, что одностороннее разоружение Запада не повлечет за собой ответной реакции – тогда это чревато нарушением равновесия.

* Я уже писал выше, что одной из основных причин падения Хрущева была его попытка уменьшить непомерные военные расходы и покушение на привилегии «номенклатуры».

Я убежден, что соглашения, которые имели бы реальное, а не только символическое значение, должны включать:

1) В качестве первого этапа, предшествующего полному запрещению ракетно-термоядерного наступательного оружия, – достаточно низкий и сбалансированный по суммарной мощности зарядов предельный верхний уровень для носителей термоядерных зарядов стратегического назначения. Эта формулировка подразумевает, что предельная суммарная мощность зарядов, размещенных на носителях стратегического назначения, устанавливается одинаковой для СССР и США и, самое главное, такой, что даже при попадании всех зарядов в города противника лишь меньшая часть застройки подвергнется разрушению и может погибнуть лишь малая часть населения.

2) Запрещение развертывания и усовершенствования противоракетной обороны стратегического назначения. Полное запрещение разделяющихся боеголовок независимого наведения. Эти требования представляются мне реальными, так как осуществление этих систем оружия находится в начальной стадии. Отказ от осуществления этих систем важен как в силу исключительной их дороговизны (в свое время писалось, что ПРО в четыре раза дороже противостоящей ей по мощности наступательной системы), так и потому, что их осуществление может способствовать стратегической неустойчивости: у каждой из сторон может появиться соблазн нанести первый удар для получения решающего преимущества**.

** Связь «стратегической неустойчивости» с разработкой разделяющихся боеголовок подробно обсуждается ниже. В применении к противоракетной обороне то же смотри в ряде зарубежных работ и публикаций 1966–1968 годов (и мою статью «Размышления...»), где обсуждается гипотетическая схема внезапного ракетно-термоядерного нападения стороны, имеющей столь же мощную наступательную систему, как и ее противник, и первой осуществляющей более эффективную противоракетную оборону. Эта сторона может рассчитывать нанести решающий удар своему противнику и избежать эффективного ответного удара. Сложность и опасность ситуации, связанной с проблемой противоракетной обороны, увеличивается несовершенством системы контроля.

3) Совершенную систему контроля, включающую инспекции на местах. Дальнейшее развитие этих соглашений должно иметь целью полное запрещение термоядерного и атомного оружия.

К сожалению, заключенные соглашения не соответствуют этому идеалу. Более того, создается впечатление, что они в некоторых отношениях как бы ведут в другую сторону.

В частности, возражения и опасения вызывает соглашение Никсона – Брежнева о ПРО. Это соглашение оставляет за СССР и США право защиты одного района (в случае СССР – района Москвы), охраняемого небольшим числом противоракет.

По некоторым оценкам, необходимое для эффективной защиты число установок во много раз (например, в 30 раз) больше установленного соглашением. Поэтому при отсутствии контроля на местах не исключено, что одна из сторон тайно увеличит число своих установок.

Далее, все мы в СССР знаем, что Московский район – это не только военно-промышленное сердце страны, но главным образом ее элитарная часть. Страшное подозрение невольно закрадывается в душу, рисуется схема того, что при такой оборонной системе большая часть территории и населения страны приносится в жертву соблазну получить решающее преимущество первого ракетно-ядерного удара при относительной безопасности московских чиновников.

Лишь дальнейшие соглашения могут прояснить дело. Я надеюсь, что эти соглашения будут

достигнуты в самое ближайшее время.

Не меньшую тревогу вызывают некоторые стороны соглашений о наступательном ракетно-термоядерном оружии.

Опять недостаток контроля. Если подземные и наземные стационарные стартовые позиции еще как-то можно засечь с разведывательных спутников, то все остальные формы размещения ракет с подводными и подвижными стартовыми установками, стартовый вес ракет, мощность зарядов, истинная доля ракет с разделяющимися боеголовками остаются вне контроля. Чрезвычайно высок установленный потолок числа носителей – даже малой доли от разрешенного предела достаточно для нанесения ужасающего ущерба.

Существует большая опубликованная литература о действии ядерного оружия. Я напомним поэтому лишь несколько показательных цифр. Взрыв, при котором выделяется такая же энергия, как при взрыве одного миллиона тонн тротила (условно говоря – взрыв «мощностью в одну мегатонну» – таков, по-видимому, взрыв легкого термоядерного заряда ракет типа «Полярис» и подобных ей по грузоподъемности) разрушает строения городского типа на площади около 50 кв. км и сжигает все, что может гореть, на той же площади; убивает, даже при наличии убежищ, сотни тысяч людей. Наземный или относительно низкий взрыв сопровождается выпадением радиоактивных осадков в «радиоактивном следе» по ходу ветра. Осадки состоят из песчинок и пылинок, поднятых с поверхности земли взрывом и «напитавшихся» с поверхности радиоактивными продуктами деления урана. След от мегатонного взрыва создает смертельную дозу облучения (600-1000 рентген, а в центре еще выше) на площади в несколько тысяч квадратных километров. Действие излучаемых в момент взрыва гамма-лучей (которые принесли так много несчастья в Хиросиме и Нагасаки) отстает для мегатонных взрывов на второй план, так как эти лучи поглощаются в воздухе на расстояниях много меньших радиуса действия ударной волны.

По Владивостокскому соглашению каждая из сторон, СССР и США, может иметь по 2400 носителей зарядов. Мощность зарядов, переносимых одним носителем, соглашением никак не оговорена.

По данным из литературы, мощность современных термоядерных зарядов лежит в пределах от одной мегатонны (мелкие ракеты типа «Полярис» и ей подобные) до 30 мегатонн или выше (авиабомбы, самые тяжелые ракеты). В 1961 году в Советском Союзе был испытан термоядерный заряд, который имеет в полном по закладке боевом («грязном») варианте мощность более 100 мегатонн (об этом было заявлено Н. С. Хрущевым на XXII съезде КПСС).

При использовании некоторой части ракет для подавления стартовых позиций противника и в предположении, что большая часть ракет сбивается ПРО, так что до городов противника долетает только 5% наличного (разрешенного по соглашению) арсенала (120 ракет с термоядерным зарядом суммарной мощности, которую мы оценим в 600 мегатонн) – даже в этих «скромных» предположениях неизбежно разрушение большей части городов и гибель большей части населения в обоих вступивших в термоядерную войну странах – СССР и США.

До сих пор я писал о доставленных к цели зарядах. Но при взрыве очень большого числа зарядов или единичных сверхмощных зарядов особое значение приобретает эффект глобального (общего для всей Земли) радиоактивного поражения. Так как ветры способны разносить радиоактивные продукты по всей Земле, то для глобального эффекта место взрывов с суммарной энергией 200-500 тыс. мегатонн – полное уничтожение всего живого на Земле! Даже этот роковой предел не так уж далек от установленного потолка. Если суммарное число зарядов СССР и США достигнет разрешенной цифры 4800 при средней мощности 10 мегатонн, то суммарная мощность составит 48 тыс. мегатонн (а ведь есть еще Англия, Китай и Франция).

Сложность положения усугубляется известным из опубликованных материалов различием стартовых весов советских и американских ракет. Как заявил весной 1975 года министр обороны США Шлезингер, советская ракета может нести 8 разделяющихся боеголовок против 3 американских, то есть налицо трехкратное отличие стартовых весов.

Я предполагаю, что если в ходе дальнейших переговоров не будет достигнуто соглашение, ограничивающее суммарную мощность зарядов, причем достаточно низким пределом, то США в ближайшем будущем перевооружат свой ракетный парк более тяжелыми ракетами, СССР предпримет ответные меры, и в результате гонка вооружений только усилится¹. Тревогу вызывает также, что Владивостокские соглашения как бы узаконили разделяющиеся боеголовки независимого наведения. Неоднократно отмечалось, что эта новая мода военной ракетной техники расширяет область гонки вооружений и увеличивает опасность возникновения так называемой «неустойчивой стратегической ситуации – то есть попросту ситуации, в которой каждой из сторон стратегически выгодно и относительно безопасно нанести первый ракетно-ядерный удар (на человеческом языке – совершить величайшее в истории преступление). Западные авторы, которых мне довелось читать, следующим образом объясняют суть проблемы.

1 Более подробное обсуждение всех вопросов по разоружению содержится в других публикациях. В настоящее время сокращение стратегического вооружения является предметом интенсивных переговоров. Очень крупным достижением явилось соглашение об уничтожении ракет средней дальности.

Пусть число носителей и их грузоподъемность у обоих потенциальных противников примерно одинаковы, и половина носителей у каждого оснащена 4-6 разделяющимися боеголовками. Примем условно также, что на поражение одной стартовой установки требуется в среднем две боеголовки. Очевидно, тот из противников, который неожиданно наносит первый удар, получает возможность частью (70-100%) своих ракет с разделяющимися боеголовками сразу уничтожить все стартовые позиции противника, а остающимися «обычными» ракетами уничтожить все его города, военно-промышленные и транспортные объекты, и тем самым нанести противнику сокрушительное поражение, причинить решающий ход войны ущерб, не получив ответного удара. Это и есть «соблазн первого удара», или на более ученом языке «стратегическая неустойчивость». Конечно, во всем приведенном рассуждении содержится много упрощений гораздо более сложной реальной ситуации (не учтены подводные и скрытые старты и многое другое), но все же ясно, что разделяющиеся боеголовки дополнительно осложняют и без того необычайно трудную проблему устранения опасности ракетно-ядерной войны. В 1968 году я писал почти то же самое о противоракетной обороне (см. сноску выше). С тех пор положение усложнилось еще больше.

Ракетно-термоядерная война – это уже сейчас вошедшая в нашу жизнь весомая мрачная реальность современности, подобная уже осуществившейся реальности Освенцима, ГУЛАГа, голода. Быть может, я ощущаю это острее многих, ведь я более 20 лет вплотную соприкасался с этим фантастически страшным миром. Хотя последние семь лет я не принимаю участия в секретных работах и не имею к ним допуска и технически мои знания, конечно, сильно устарели, но психологический опыт прошедших напряженных десятилетий живет во мне и, как мне кажется, дает мне право и обязывает писать о том, что я думаю, – пусть спорно, но откровенно. Я ни на минуту не могу забыть, что все это время сотни тысяч рабочих, тысячи талантливых инженеров и ученых многих специальностей работают по расширению и усовершенствованию систем нападения, которые труднее всего отразить, – с синхронизированным ударом тысяч ракет с разделяющимися мультимегатонными

боеголовками и ложными целями, и по созданию фантастически сложных и дорогих систем обороны, служащих тем же целям войны.

В ноябре 1955 года происходили очень важные испытания термоядерного оружия (в ходе которых произошли трагические события – гибель молодого солдата, заваленного в траншее, и гибель двухлетней девочки, дочери одинокой немки, убитой обрушившейся в бомбоубежище балкой). Вечером после испытания, на небольшом банкете в узком кругу руководителей испытаний и ведущих ученых, я поднял тост за то, чтобы, как я сказал, «наши изделия никогда не взрывались над городами». Проводивший испытания крупный военачальник счел необходимым ответить мне притчей, суть которой сводилась к тому, что задача ученых – укреплять оружие, а как оно будет использовано – это не их забота, не их ума дело. По существу, он сказал то же самое, что несколькими годами позже в более развернутой форме на встрече с учеными в Кремле заявил Н. С. Хрущев (я уже имел случай писать об этом).

Но и тогда, и сейчас я думаю, что ни один человек не может снять с себя своей доли ответственности за дела, от которых зависит существование человечества.

IV. СОБЫТИЯ В ИНДОКИТАЕ И НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Те трагические опасности разобщенности и близорукого эгоизма западных стран, недооценки коварства тоталитарного противника, которые в относительно скрытом виде проявляются в описанных в предыдущих главах гуманистических и дипломатических проблемах, с ужасающей, смертельной наглядностью обнажены в военных драмах Индокитая, Ближнего Востока и других горячих точек планеты.

На протяжении нескольких недель мировая печать была переполнена сообщениями о трагедии миллионов Вьетнамских и камбоджийских беженцев, бегущих от коммунистических войск, об истощенных детях, минометных обстрелах колонн женщин, стариков и детей, о самолетах, которые взлетают с отрезанных аэродромов, обвешанные обезумевшими от ужаса людьми. Сейчас в Южном Вьетнаме и Камбодже – полная победа коммунистических сил; Лаос и Таиланд – на очереди.

Из Камбоджи, где победители – красные кхмеры – не скрывают своей прокитайской ориентации, уже поступают ужасные сообщения о массовых казнях офицеров и их жен (где те голоса, которые так дружно протестовали против эксцессов Пиночета?), о беспрецедентной акции насильственного поголовного выселения из городов в деревни миллионов горожан и беженцев – включая умирающих, подготовленных к операции больных, рожениц и новорожденных. Один из министров Таиланда недавно сообщил, что многие из добровольно вернувшихся в Камбоджу беженцев были немедленно казнены.

В Южном Вьетнаме устанавливается порядок по образцу северовьетнамского – с портретами Хо Ши Мина на каждом шагу, с жесткой дисциплиной и организованностью, с определенной респектабельностью (или ее видимостью). Доходят глухие слухи о чьих-то самосожжениях. Можно быть уверенным, что населению Южного Вьетнама еще предстоят многолетние тяжелые испытания, которые до сих пор не миновали ни одной коммунистической страны, – культурные революции, массовые репрессии, власть бюрократии. Положение усугубляется неизбежной борьбой за влияние во Вьетнаме между СССР и Китаем, которая не обойдется дешево ее «предмету».

Что же произошло? Как известно, в середине 60-х годов в США возникла сильная оппозиция участию США во вьетнамской войне, особенно среди интеллигенции. Если в конце 50-х годов большинству казалось естественным помочь союзнику против неприкрытой агрессии, угрожающей распространением на целый обширный район земного шара, и аналогии с недавно закончившейся корейской войной вселяли надежду в возможность сравнительно легкого успеха, то спустя десять лет всем стало ясно, что эти аналогии оказались

обманчивыми. Война среди непроходимых джунглей и рисовых полей с неуловимым, великолепно организованным, безжалостным и самоотверженным противником, снабженным новейшим советским оружием, выглядела совсем иначе, чем блистательная молниеносная операция в Инчоне в 1950 году. Война становилась все более бесперспективной, все более жестокой с обеих сторон. Гибли десятки тысяч американцев и сотни тысяч вьетнамцев, женщины, дети, старики. Южновьетнамское общество, формально демократическое, на деле в значительной мере являлось коррумпированным обществом военной и полицейской бюрократии, мало отвечающим задачам момента. Может быть, тут я, пользуясь односторонней информацией, несправедлив.

Американские критики вьетнамской войны ясно видели, что победа никак не приближается, и ошибочно, с моей точки зрения, считали, что она возможна лишь при условии таких решительных действий, которые поставят под угрозу весь современный мировой порядок. Короче говоря, они заражее считали войну проигранной и только искали из нее более или менее достойный выход, стремясь к прекращению бомбардировок, убийств мирных жителей напалмом, фосфорными и шариковыми бомбами и прочими адскими выдумками современной войны, к прекращению гибели американских солдат. Я говорю о наиболее честных, исторически ответственных критиках войны (к числу которых я отношу, например, Элсберга, братьев Берриганов, Пола Майера и других). Наряду с ними была целая армия гораздо более шумных и безответственных критиков, фактических дезертиров и саботажников и политиканов, использовавших великую трагедию для своих узкополитических целей. Особенно возмутительна позиция многих европейцев, которые не ударили палец о палец для реальной помощи, но часто демагогически искажали сложное реальное положение и историческую перспективу.

Многие критики участия США во вьетнамской войне полностью игнорировали, что война началась в результате прямого военного нарушения Женевских соглашений, что все эти годы непрерывно имело место мощное военное, экономическое и политическое вмешательство СССР и Китая, не только якобы бескорыстная помощь, но и прямое давление, что война и коммунизм фактически были навязаны большинству южновьетнамцев и камбоджийцев без права выбора и сравнения. Игнорировалось, что зверства имели место не только с одной стороны, в частности «не замечались» такие ужасные факты, как массовые казни тысяч людей во время кратковременного захвата северовьетнамцами Гуэ, как систематическое похищение из деревень людей, якобы плохо помогавших партизанам или сотрудничавших с врагом, и т. п. Не учитывалось огромное значение верности США своим союзническим обязательствам для сохранения чувства уверенности во всем противостоящем коммунизму мире.

Я считаю, что при большей решительности и последовательности в американских действиях в военной и особенно в политической областях можно было бы предупредить трагическое развитие событий. Политическое давление на СССР с целью не допустить поставок оружия Северному Вьетнаму, своевременная посылка мощного экспедиционного корпуса, привлечение ООН, более эффективная экономическая помощь, привлечение других азиатских и европейских стран – все это могло повлиять на ход событий, тем самым предупредить войну со всеми ее обоюдными ужасами.

Очень велика ответственность других стран Запада, Японии и стран «третьего мира», никак не поддержавших своего союзника, оказывающего им огромную помощь в трудной, почти безнадежной попытке противостоять тоталитарной угрозе в Юго-Восточной Азии. Но ведь то, что сегодня угрожает Таиланду, завтра, пусть в других формах, может стать судьбой всего мира.

Я уж не говорю об ответственности СССР, КНР и других социалистических стран, хотя, на самом деле, в чем еще должна проявляться разрядка, как в первую очередь не в попытках

найти выход из военных конфликтов. Даже когда война зашла в тупик, сочетание дипломатических и решительных военных усилий, разъясненных народу США и всему миру, могло бы привести к стабилизации ситуации – подобно тому, как удалось стабилизировать ее в Европе, где раздел Германии является трагическим и, я надеюсь, временным явлением, но не угрожающим международному миру.

Но все это без поддержки мирового и американского общественного мнения оказалось невозможным. Были заключены Парижские соглашения, освободившие из вьетнамского плена американских военнопленных еще до окончания войны и одновременно предавшие Южный Вьетнам, а может быть, и будущность других обширных районов земного шара.

Вооруженные новейшим советским оружием северо-вьетнамцы в подходящий момент без колебаний нарушили все свои обязательства по Парижским соглашениям и смели южновьетнамскую армию. Дальнейшее известно.

Последний штрих – протесты в США против приема беженцев, которые якобы могут явиться обузой для этой самой богатой в мире страны. Это позорное завершение цепи событий осветило миру, какие глубины эгоизма, сытого безразличия к величайшей трагедии могут соседствовать с героизмом американских моряков и летчиков, которые вырывали беженцев из огня Вьетнама, с благородством семей, готовых приютить вьетнамских детей.

Я хочу верить, что ужасный урок трагедии Индокитая не пропадет даром для всего мира, не пропадет для американцев. Не изоляционизм, а самоотверженная, щедрая и смелая забота о судьбах всего человечества. Не иллюзии, а трезвое понимание серьезности того вызова, который поставила перед лидерами западного мира история. Не половинчатая, непоследовательная внешняя политика, не разъясненная народу, а всесторонне взвешенный выбор ключевых целей и максимальная решительность в их осуществлении. Не межпартийные дрязги, мелкие экономические и политические расчеты, а готовность идти на необходимые жертвы и самоограничение для спасения человечества и тем самым и своей страны. Этого надо ждать от страны Линкольна, Рузвельта, Эйзенхауэра и Маршалла, от других стран Запада и Востока.

Другая зона кровавых событий – Ближний Восток. Десятилетия конфронтации, подогреваемой начиная с 50-х годов своекорыстной советской политикой, так запутали там положение, что сейчас уже очень трудно найти общеприемлемое решение.

Я часто вспоминаю, как в 1955 году высокопоставленный работник Совета Министров СССР говорил группе собравшихся на совещание в Кремле ученых, что сейчас (в связи с недавно закончившейся тогда поездкой в Египет члена Президиума ЦК КПСС Шепилова) в Президиуме обсуждаются принципы новой советской политики на Ближнем Востоке. Он сказал, что сформулирована долгосрочная цель этой политики – используя арабский национализм, создать для европейских стран трудности в снабжении нефтью и таким образом сделать их более управляемыми. Сейчас, когда мировая экономика дезорганизована нефтяным кризисом, видно все коварство и действенность нефтяного подтекста «защиты справедливого дела арабских народов» – правда, Запад делает вид, что СССР здесь ни при чем.

Во время октябрьской войны 1973 года, начатой Египтом и Сирией, вмешательство американской дипломатии, государственного секретаря Киссинджера, который находился в контакте с озабоченными советскими руководителями, остановило и отвело назад вырвавшиеся на оперативный простор бронетанковые дивизии Шарона. Существует мнение, что это вмешательство в тех конкретных условиях явилось почти что предательством безопасности Израиля, лишило его плодов трудно доставшейся победы. Я не разделяю полностью этой точки зрения. Но я считаю, что США и европейские страны приняли на себя в октябре 1973 года ответственность за судьбу Израиля и что сейчас время платить по этому счету.

Я считаю, что, как и в других аналогичных проблемах, необходимо единство стран Запада, необходимы готовность идти на временные экономические жертвы, вплоть до временного эмбарго на арабскую нефть, твердое требование к Советскому правительству и к другим государствам о прекращении или ограничении поставок оружия, стремление к компромиссу и учету реальных потребностей обеих сторон. Я убежден, что только такая политика будет соответствовать долгосрочным интересам всех стран мира, в том числе и западных.

Одна из центральных проблем ближневосточного конфликта – судьба народа Палестины. Я убежден, что заинтересованные стороны – палестинский народ, Израиль, Иордания – несомненно найдут приемлемое для всех сторон решение. Но очень важно, чтобы руководители палестинского народа на деле доказали свою лояльность к будущему урегулированию арабо-израильского конфликта в целом, к безопасности Израиля, свое уважение к международному праву, отмежевались от экстремистских и террористических группировок.

Другим последствием советского присутствия на Ближнем Востоке явилась трагедия иракских курдов, во многом аналогичная ужасной трагедии народа ибо в Нигерии, за которую тоже частично ответственно советское вмешательство. Ирак, получивший от СССР огромную военную помощь – самолеты, танки, ракеты, напалм, военных специалистов, возможность использовать данные разведывательных спутников, – все это обратил против маленького трудолюбивого и гордого народа, который хочет так немного – автономии в рамках Ирака. Я дважды обращался к Генеральному секретарю ООН, к Генеральной Ассамблее с просьбой о вмешательстве: в первый раз с целью смягчить ужасы войны, прекратить доставку иностранного оружия, во второй раз с целью добиться присутствия в Курдистане иностранных наблюдателей, чтобы предупредить эксцессы мести победителей. Я по-прежнему считаю, что международное вмешательство и внимание к событиям в иракском Курдистане – долг человечества.

Обстановка во многих других районах земного шара также вызывает беспокойство. Одной из самых трагических проблем является судьба политзаключенных в Индонезии. Опираясь на объективную информацию, сообщенную мне членами советской группы Международной амнистии, я в 1974 году обратился к президенту Индонезии с призывом об амнистии политзаключенных. К сожалению, этот призыв пока остался без ответа. Эта и многие другие аналогичные проблемы (апартеид в ЮАР – еще один вопиющий пример), конечно, не должны быть забыты международной общественностью. Роль Международной амнистии во всех подобных делах традиционно велика и благородна. Особой поддержки заслуживает поднятая этой организацией международная кампания против применения пыток.

V. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ НА ЗАПАДЕ, ЕЕ ИЛЛЮЗИИ, ЕЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

В последние годы мне впервые пришлось встретиться с людьми с Запада, личными впечатлениями проверить и дополнить заочное представление об этом мире, во многом контрастном с нашим, а в главном, глубинном – по-человечески понятном.

Я с глубокой симпатией, с надеждой и уважением, граничащим почти с завистью, отношусь к зарубежной интеллигенции, к тем людям, которых мне довелось узнать лично. Я вижу и очень ценю в лучших людях с Запада внутреннюю свободу, готовность к дискуссии с полным уважением к мнению собеседника, отсутствие национальных предрассудков, реалистический и практический склад мышления, готовность к практическим добрым делам.

И все же есть, по-моему, одна характерная, общая для многих западных интеллигентов черта, которая вызывает определенное беспокойство. Речь идет о том, что я мысленно называю «леволиберальной модой». В наивном виде она частично отразилась в реплике одного американца в разговоре с эмигрантом из СССР: «Ну, хорошо, вам не нравится многое в

России, вас там обидели. Я могу это понять. Но против Китая-то у вас, я думаю, нет предубеждений. Вам ведь нравится то, что у них там сейчас происходит?»

Если я не прав в том, что я пишу, в своих оценках и объяснениях, я надеюсь, мои друзья на Западе простят мне мою неинформированность. Но если я хоть частично «попал в точку», то мне кажется, они должны очень призадуматься.

Я не сомневаюсь в альтруизме и гуманности большинства западной либеральной интеллигенции, в ее стремлении к благу для всех людей, к справедливости с одинаковыми мерками для всех. Но я боюсь, что недостаток информации или возможности ее критического осмысления, всеильная на Западе мода, боязнь отстать от века (в особенности «от собственных детей», как откровенно признаются многие), недостаток воображения при наличии эффекта дистанции, недостаточное представление о трагической сложности реальной жизни, в особенности жизни социалистических стран могут привести и уже приводят к очень опасным ошибкам как во внутривнутриполитической жизни западных стран, так и при оценке сложных вопросов международных отношений. Эффект дистанции заставляет сомневаться в том странном, страшном и чудовищном, о чем узнаешь только из книг и рассказов*.

* Живущий во Франции близкий родственник матери моей жены, которая отсидела в сталинских лагерях много лет как ЧСИР (член семьи изменника родины), допытывался, «есть ли хоть крупица правды» в том, что пишет Солженицын (кстати, этот родственник занимает видное место во французской компартии). Ей осталось только горько усмехнуться.

Либеральная интеллигенция Запада, несомненно, имеет веские причины быть неудовлетворенной многими сторонами окружающей ее действительности. В сотнях газет она читает об актах насилия и жестокости, о социальной и расовой несправедливости, об ужасах голода в слаборазвитых странах, об ужасах войн – и не только читает, но и видит собственными глазами, благо проехать по своей стране или получить визу в Африку или Латинскую Америку – не проблема.

Люди на Западе живут в обстановке избытка доступной информации, избытка различных идей и сосуществования конкурирующих политических течений. Некоторые из этих течений преследуют весьма частные интересы, но все имеют ту или иную идейную одежду. Политическая деятельность на Западе, публикация и пропаганда общественных идей так же легко становятся профессией, как любой другой вид деятельности, и связаны с групповыми и личными материальными интересами.

Многие на Западе, так же как у нас, оказываются не в состоянии самостоятельно критически переосмыслить обрушивающийся на них поток фактов, оценок и идей, и на первое место выходит мода со своими иррациональными законами. Нередко на поверхности оказываются не более логичные, но более экстравагантные или более доступные идеи-однодневки.

«Левая мода», как мне кажется, является сейчас господствующей на Западе и заняла свое положение по сложному сплетению различных факторов. Один из них – вечное стремление молодежи к самым радикальным переменам и боязнь более опытных и осторожных представителей старшего поколения отстать от своих детей (я уже говорил об этом). На Западе, как и всюду, существуют сложные социальные проблемы, которые нельзя решить немедленно в рамках существующего строя, – а радикальные средства создают иллюзию возможности их быстрого решения, подкупающего своей кажущейся простотой. Я предполагаю, что еще одним немаловажным фактором господства левых идей является также то, что на протяжении десятилетий в западный мир свободной борьбы идей непрерывно вливается струйка социалистической просоветской или прокитайской пропаганды, в которой тенденциозно переплетены различные, в основном правильные, социальные идеи с

полуправдой и прямой ложью. Этот последний фактор, быть может не главный, но он тоже действует, и он довольно эффективно по многим каналам подкрепляется прямым и косвенным подкупом отдельных литераторов и политических деятелей.

Такова, как мне думается, почва, на которой сформировался господствующий стереотип «леволиберального» западного интеллигента со всеми его иллюзиями и ошибками. В основе позиции большинства все же – благородная и гуманная, имеющая реальные основания неудовлетворенность окружающей действительностью, альтруизм и стремление к справедливости и общему благу. И это позволяет надеяться, что в конечном счете западный интеллигент «не подведет». С тоталитаризмом, с фашизмом любого толка, с демагогами и политиками любого толка ему, как я надеюсь, не по пути.

В применении к своей стране западный либеральный интеллигент – за более полную реализацию гражданских свобод, за экономические и социальные реформы социалистического типа. Эти стремления действительно в духе времени, и при осторожном осуществлении они, по-видимому, способствуют справедливости, счастью и процветанию, способствуют устранению шероховатостей и социальных дефектов общества.

Но я не случайно подчеркнул необходимость осторожности. Я глубоко убежден, что бездумное, легкомысленное следование леволиберальной моде чревато величайшими опасностями. Одна из международных опасностей существующих тенденций – это потеря единства Запада и ясного понимания неисчезающей глобальной угрозы со стороны тоталитарных стран. Запад не должен ни в коем случае допускать ослабления своих позиций перед лицом тоталитаризма. Внутренняя (для каждой страны) опасность – «сползание» к госкапиталистическому тоталитарному социализму. Конечно, эти две угрозы тесно связаны между собой. И есть еще одно: увлечение «левыми» идеями не должно приводить к ослаблению международной защиты прав человека во всем мире, с одинаковыми мерками для англичанина, француза, негра из ЮАР, крымского татарина, русского, украинца, китайца и вьетнамца. Многие из повседневных проблем, волнующих рядового человека на Западе сегодня, – на самом деле очень малозначительны по сравнению с этими тремя. Если он, его дети или внуки будут жить при строе, даже отдаленно похожем на наш или китайский, они это поймут, не было бы только это слишком поздно.

Покойный Белинков, так холодно и недоверчиво встреченный на Западе, писал в свое время в письме Пэн-клубу: «Социализм такая штука, которую легко попробовать, да трудно выплюнуть». Действительно, тоталитарный социализм (при желании его можно называть лжесоциализмом) в силу присущих ему свойств имманентной стабильности, инерции страха и пассивности – своего рода исторический тупик, из которого трудно выбраться.

Некоторые на Западе выражают мнение, что все неудачи и беды в СССР и других восточных социалистических странах объясняются тем, что это «темные азиатские страны», без демократических традиций, без привитого веками уважения к правам личности, к индивидууму. Для этих стран – для русских, для китайцев, вьетнамцев – все, что происходит (террор, бестолковщина, грязь в роддоме, нарушение свобод – я нарочно назвал разноплановые вещи), – якобы привычно и даже «прогрессивно», они таким странным способом делают шаг вперед. А Запад, с его демократическими традициями, сразу якобы встанет на более высокую ступень «социализма с человеческим лицом», гуманного и эффективного. В частности, такие аргументы, насколько я знаю, весьма распространены среди западных коммунистов, особенно среди интеллигентов и руководящего состава (но для рядовых коммунистов при этом применяют более простые приемы искажения и сокрытия правды о странах победившего социализма).

Эти типичные леволиберальные аргументы (я их называю «славянофильство наоборот») никак не оправданы историческим опытом, они представляются мне опасной иллюзией и аморальным использованием (может быть, чтобы успокоить совесть) различных мерок для

«своих» и «чужих».

До сих пор социализм всюду неизбежно означал однопартийную систему, власть алчной и неспособной бюрократии, экспроприацию всей частной собственности, террор ЧК или ее синонимов, разрушение производительных сил и последующее их восстановление и развитие ценой непомерных жертв народа, насилие над свободой совести и убеждений. Так было в СССР, в странах народной демократии, в КНР, на Кубе. Пример Югославии, наиболее независимой от советской опеки и наиболее свободной, открытой, особенно показателен.

Фатально ли все это? Не знаю. Но что несомненно – полная национализация всех средств производства, однопартийная система, насилие над убеждениями неизбежно приводят к тоталитаризму. При условии проведения социальных реформ капиталистические, но демократические государства ближе к истинно человеческому обществу, чем любые тоталитарные режимы.

Человечество наблюдало в 1968 году попытку чехословацких коммунистов, поддержанную всем народом, в особенности интеллигенцией и рабочим классом, очистить тоталитарный социализм от всех его уродств (именно тогда и возник сам термин «социализм с человеческим лицом») и одновременно избавить страну от унижительной и опасной опеки СССР. Эта попытка имела определенные успехи и вызвала восхищение во всем мире. Но именно успехи вызвали страх в СССР, ГДР и Польше как опасный пример и послужили причиной позорной интервенции. Тоталитаризм защитил себя танками.

Опасности тоталитаризма, связанные с социалистическим, так называемым «прогрессивным» путем развития, в особенности в конкретной современной обстановке разделенного мира, неоднократно наглядно проявлялись в новейшей истории.

Сейчас внимание всего мира приковано к Португалии, где вновь действует механика сползания к тоталитаризму. Пользуясь, по-видимому, поддержкой из Москвы португальская компартия все же потерпела поражение на выборах и стала расталкивать своих конкурентов теми же бесцеремонными методами демагогии, провокаций, полицейского произвола и шантажа, которые в свое время с успехом применяли ее предшественники в 1917, 1933 и 1948 годах.

Признаки стремления к тоталитаризму «военно-социалистического» типа замечаются и в некоторых некоммунистических кругах «Движения вооруженных сил». Особенно зловещим является рост влияния в жизни общества органов тайной полиции, которые все больше становятся бесконтрольным «государством в государстве», опричиной XX века, подобно НКВД сталинской эпохи. В тайной полиции Португалии, по-видимому, особенно велика роль коммунистов. Хочется надеяться, что исторический опыт других стран все же чему-то научил и португальский народ, и он избежит угрожающей ему участи. Мировая общественность должна сделать все возможное, чтобы помочь избежать трагедии.

Не менее серьезны проявления «левой позиции» в международных отношениях. Распространенные в среде леволиберальной интеллигенции иллюзии относительно характера общества в СССР и в других социалистических странах, относительно подлинных внутренних и геополитических целей правящих кругов этих стран очень затрудняют оценку истинного значения разрядки и иногда толкают правительства западных стран на ложные и опасные шаги, на односторонние уступки и «подарки» в ходе разрядки. Позиция большинства в условиях Запада оказывает самое непосредственное влияние на практические действия политических руководителей, которые там, как я думаю, глядя отсюда, обычно считаются со своими избирателями, с прессой, с общественным мнением. Левая интеллигенция толкает, в частности, правительства своих стран на одностороннее разоружение. Но такое разоружение может привести к нарушению международного равновесия, к ослаблению позиции Запада перед тоталитарной угрозой и спровоцировать усиление экспансии социалистических стран, особенно в узловых, стратегически важных

районах «третьего мира» (например, в Индийском океане).

Внутренние социальные и экономические проблемы западных стран должны быть решены путем мобилизации ресурсов, путем временных экономических ограничений, а не за счет ослабления перед лицом угрозы. Сбалансированное разоружение чрезвычайно важно, но такой результат нельзя достичь с позиции «слабости».

Чрезвычайно важно экономическое и политическое объединение западных стран, подобное Европейскому сообществу (конечно, без противопоставления лидеру западного мира – США, в самом тесном с ним сотрудничестве). Недавно я с чувством облегчения узнал об исходе референдума в Англии, о предстоящем вступлении в ЕЭС Греции. Экономическая сиюминутная сторона проблемы во всех этих случаях должна отступать на второй план, важнее всего противостоять экспансии тоталитарных стран. До сих пор лево-»прогрессивные» силы занимали в этих вопросах недостаточно четкую позицию.

Я уже писал выше о роли позиции «левых» в США и во всем западном мире во вьетнамской трагедии; с некоторыми вариантами эти ошибки повторялись и в других случаях.

Леволлиберальные интеллигенты часто готовы поддерживать и защищать любые экстремистские и даже террористические группировки в своей стране и во всем мире, если они выступают под «левой» вывеской, и в то же время сурово осуждают за консерватизм, реакционность тех, кто не солидаризируется с ними. Опасность такой позиции для человечества огромна.

Последнее, о чем я хочу здесь сказать, – о защите прав человека во всем мире, в особенности же в социалистических странах, которые слишком часто обходятся вниманием. «Левые» обычно с излишней доверчивостью воспринимают догмат о преимуществах социалистического строя и не хотят знать ничего, что идет с ними вразрез. Некоторые из них склонны до сих пор не доверять свидетельствам об ужасных событиях прошлого, собранных в таких книгах, как «Большой террор» Конквиста, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, «Перед судом истории» Медведева и в десятках других исторических сочинений; они часто рассматривают как преувеличенные и искусственно подобранные сообщения о политических, национальных и религиозных преследованиях и о социальных и экономических трудностях, которые имеют место сейчас.

Но даже в самые страшные годы сталинского террора, когда туман дезинформации и просоветской пропаганды был особенно непроницаемым, все же на Западе находились отдельные честные и мужественные люди, которые понимали и умели высказать правду. Сейчас положение во многом изменилось, туман начинает рассеиваться. XX съезд, события в Венгрии и Чехословакии, культурная революция и «большой скачок» в КНР, корейская и вьетнамская войны, ближневосточные события, Португалия, Чили, Куба – все это прошло не бесследно.

Среди факторов, которые привели к важным психологическим сдвигам, особую роль играют выступления из социалистических стран. Мне хочется тут напомнить, что каждое такое выступление дается очень дорогой ценой. В одних случаях следуют репрессии против самого выступающего, в других – долгосрочные последствия для его любимого дела, для друзей, для детей и близких родственников. Я выше привел много примеров подобных репрессий в СССР. Сейчас внимание мировой общественности приковано к судьбе писателя Михайло Михайлова, осужденного в Югославии за важные, смелые общественные выступления, в том числе за выступление в мою защиту*.

* Обращаясь непосредственно к западной интеллигенции, я хочу заявить следующее. Меня не оставляет ощущение, что аресты моих ближайших друзей – Сергея Ковалева и Андрея Твердохлебова, о которых я писал выше, в какой-то мере связаны с их близостью ко мне. То же самое относится к преследованиям В. Турчина, Ю. Орлова и выступившей в мою защиту в

том же 1973 году Лидии Чуковской, исключенной из Союза писателей в начале 1974 года. Давление на членов моей семьи, превращенных в заложников, – другая часть той же тактики. Сейчас, публикуя настоящую работу, я думаю не только о предстоящих крайне желательных серьезных дискуссиях по ее содержанию, но и о различных неожиданностях, которые могут последовать совсем с другой стороны, – вроде газетных выступлений моих собратьев-академиков или угроза лжехристиан, или еще чего-либо похуже. Люди с Запада часто спрашивают, как мне помочь, но когда я говорю: помогите моим друзьям – иногда проявляют некоторое недоумение. В этом тоже какая-то иллюзия, недооценка особенностей нашего общества.

Сейчас, в век научно-технической революции, интеллигенция является, наряду с рабочим классом, самой активной и влиятельной частью современного общества. От четкости, обоснованности ее позиции, от отсутствия у нее опасных заблуждений, от ее организованности и сбалансированной беспристрастности зависит очень многое. Я хотел бы надеяться, что это мое выступление будет услышано и окажется полезным. Я надеюсь, в частности, на более активную защиту со стороны представителей западной интеллигенции прав человека в нашей стране и в других социалистических странах: права на свободный выбор страны проживания, прав национальных меньшинств – крымских татар, немцев, литовцев, эстонцев, латышей, украинцев и многих других, преследуемых религиозных групп, за защиту узников совести, таких людей, как Михайлов в Югославии, Плющ, Буковский, Мороз, Любарский, братья Джемилевы, Чиннов и сотни других (о некоторых из них я писал выше и в других своих обращениях). Год назад международная поддержка спасла супругов Пановых, которые добивались выезда в Израиль. Тогда знаменитые артисты демонстрировали у стен советского посольства в Лондоне, рабочие сцены и артисты объявили бойкот гастролям Большого театра, то есть угрожали карману и престижу, этим двум ахиллесовым пятам советского строя. Открытое выступление главы английского правительства Г. Вильсона сыграло, безусловно, решающую роль, донеся протесты в те высокие сферы, куда обычно не проникает шум с улицы. Но ведь то же самое возможно и в других случаях! История Пановых подтверждает, что только самое сильное и чувствительное для советских властей давление может иметь шансы на успех, только оно вынуждает не имеющих права самостоятельно отступить от инструкции чиновников обратиться за разъяснениями к высшему руководству, которое способно иногда прореагировать нестандартно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В «Размышлениях о прогрессе...», «Памятной записке» и в других своих выступлениях я выдвигал ряд предложений о необходимых внутренних реформах в нашей стране, о желательных изменениях в международных отношениях, призывал к международной защите прав человека.

Большинство из этих мыслей вовсе не были оригинальными. Я уже отмечал их преемственность с выступлениями послевоенных лет. Те же мысли потом неоднократно повторялись во многих статьях и выступлениях за рубежом и в самиздате. Никакого отклика советских руководителей на свои предложения на протяжении всех этих лет я никогда не имел, да и трудно было на это рассчитывать. И все же я по-прежнему считаю полезными подобные попытки – не только как наиболее компактное изложение взглядов и стремлений, но и как необходимую альтернативу официальной позиции. Какие же внутренние реформы в СССР представляются мне необходимыми, чтобы вывести нашу страну из устойчивого состояния всестороннего кризиса и устранить связанную с этим опасность для всего человечества (то же относится в основном и к другим социалистическим странам):

- 1) Углубление экономической реформы 1965 года (как известно, свернутой на ранней стадии ее осуществления) – полная экономическая, производственная, кадровая и социальная самостоятельность предприятий.
 - 2) Частичная денационализация всех видов экономической и социальной деятельности, вероятно, за исключением тяжелой промышленности, тяжелого транспорта и связи. В особенности существенна частичная денационализация в сфере обслуживания (ремонт, гостиницы, столовые и т. п.), в мелкой торговле, в сферах образования и медицинского обслуживания. В сельском хозяйстве необходима частичная деколлективизация и государственная поддержка частного сектора как наиболее продуктивного и наиболее способствующего социальному и психологическому оздоровлению деревни, ныне находящейся под угрозой полного спаивания и отупления. Работа на земле – это для миллионов людей с момента возникновения оседлости было не только средством к жизни, но и нечто придававшее ей внутренний смысл. Это «нечто» варварски уничтожено во время коллективизации вместе с физическим истреблением наиболее жизнеспособных его обладателей. Но все же этот дух, надо надеяться, возродится опять при появлении соответствующих условий.
 - 3) Полная амнистия всех политзаключенных, включая узников специальных психиатрических больниц, включая всех осужденных за религиозные убеждения, национальные стремления, попытку покинуть страну. Облегчение положения заключенных всех категорий, отмена принудительного труда, отмена ограничений питания, свиданий, передач и посылок, улучшение медицинской помощи, разрешение передачи лекарств и т. п. Допуск представителей международных наблюдательных органов во все места заключения. Отмена смертной казни. Амнистия всем находящимся в заключении более 15 лет.
 - 4) Закон о свободе забастовок.
 - 5) Серия законодательных актов, обеспечивающих реальную свободу убеждений, свободу совести, свободу распространения информации. Отмена ряда статей Уголовного кодекса, противоречащих этим принципам.
 - 6) Законодательное обеспечение гласности и общественного контроля над принятием важнейших решений (как международных, так и внутренних, социального, экономического и экологического значения).
 - 7) Закон о свободе выбора места проживания и работы в пределах страны.
 - 8) Законодательное обеспечение свободы выезда из страны (эмиграции, поездок с той или иной целью) и возвращения в нее.
 - 9) Запрещение всех форм партийных и служебных привилегий, не обусловленных непосредственно необходимостью выполнения служебных обязанностей. Равноправие всех граждан как основной государственный принцип.
 - 10) Законодательное подтверждение права на отделение союзных республик, права на обсуждение вопроса об отделении.
 - 11) Многопартийная система.
 - 12) Валютная реформа – свободный обмен рубля на иностранную валюту. Ограничение монополии внешней торговли.
- Эти реформы я рассматриваю как необходимую предпосылку постепенного улучшения социальной обстановки в стране, улучшения материального положения большинства трудящихся, создания нравственной обстановки свободы, счастья и доброжелательности, восстановления утраченных общечеловеческих ценностей и ликвидации той опасности, которую наша страна как закрытое тоталитарное полицейское государство, вооруженное сверхмощным оружием и обладающее огромными средствами и ресурсами, представляет для мира.
- Я считаю необходимым специально подчеркнуть, что являюсь убежденным эволюционистом,

реформистом и принципиальным противником насильственных революционных изменений социального строя, всегда приводящих к разрушению экономической и правовой системы, к массовым страданиям, беззакониям и ужасам.

Теперь некоторые заключительные замечания о международных проблемах в дополнение к тем соображениям, которые содержатся в основном тексте.

Я писал о многих тревожных и трагических фактах современного международного положения, свидетельствующих о существенной слабости и дезорганизованности Запада перед лицом тоталитарного вызова. События в Индокитае – наиболее драматический пример. Политика социалистических стран сейчас приняла более утонченный характер, при одновременном возникновении новых целей и форм взаимодействия с внешним миром. Какие изменения в стратегии и тактике Запада, в политике стран «третьего мира» представляются мне в этих новых условиях наиболее важными?

1. Важней всего единство стран Запада, единая стратегия для всего расширившегося комплекса проблем взаимоотношений с социалистическими странами и странами «третьего мира». Это проблемы совместной обороны, торговые соглашения, защита прав человека, переговоры о разоружении, предоставление кредитов, экономическая, в частности продовольственная, помощь, помощь в развитии технологии, проблемы охраны среды, урегулирование послевоенных границ, ликвидация военных конфликтов в горячих районах, защита свободы обмена людьми и информацией.

Единство требует лидера, таким по праву и по тяжелой обязанности является самая мощная в экономическом, технологическом и военном отношении из стран Запада – США.

Единая стратегия не может исходить из частных и временных интересов, она должна быть дальновидной, решительной и альтруистической. В условиях тесной оборонной, экономической и политической взаимосвязанности всех стран Запада станут невозможными те, слишком сейчас частые, удручающие эпизоды предательства общих интересов ради частных, о которых я писал выше (такие, например, как отсутствие поддержки в других странах Запада поправки к закону о торговле США, имеющей общечеловеческое гуманное значение и принципиально важной для всего процесса разрядки; между тем союзники США, пользующиеся их оборонной и экономической поддержкой, не только не выступили единым фронтом, но, наоборот, – наперебой и наперегонки помогают сорвать все начинание).

Я призываю интеллигенцию Запада, международные организации гуманистического характера всемерно способствовать единству Запада.

2. Я по-прежнему (см. «Памятную записку») призываю к созданию под эгидой ООН Международного консультативного комитета экспертов по юридическим, социальным, экологическим проблемам и по проблеме разоружения с правом обязательного получения обоснованных ответов по запросам и рекомендациям от всех правительств. Я надеюсь, что США или какая-либо другая страна поддержит эту инициативу перед Генеральной Ассамблеей ООН.

3. Я по-прежнему призываю к более широкому использованию вооруженных сил ООН для купирования вооруженных конфликтов (в том числе «внутреннего» характера, подобных событиям в Нигерии или Иракском Курдистане).

4. Я подчеркиваю следующие принципы при рассмотрении проблем разоружения:

а) Согласованное сокращение вооружений до равных по мощности уровней у обеих сторон на каждом этапе сокращения, с постепенным, все более существенным снижением этого уровня. Этот принцип должен быть распространен на переговоры об ограничении стратегического оружия, в особенности ракетно-термоядерного наступательного оружия ядерных держав и на региональные переговоры, в частности на переговоры между НАТО и странами Варшавского Пакта.

б) Установление совершенной системы контроля, предусматривающей использование

инспекционных групп, включающих представителей противной стороны и международных организаций, со свободным допуском на всю территорию инспектируемой страны.

в) Введение международных ограничений на поставку оружия другим государствам. Я придаю особое значение этому предложению. Я считаю особенно важным согласованное сокращение поставок оружия в горячие районы, подобные Ближнему Востоку. Исторический опыт свидетельствует, что наличные пушки всегда рано или поздно начинают стрелять. Я призываю государственных деятелей Запада использовать все средства дипломатии – нажима и торга – для достижения этой цели. Если продолжает литься кровь, то что же такое разрядка?

г) Устранение технических факторов, способствующих гонке вооружений. Прекращение новых разработок по согласованному списку. Смягчение режима секретности, в перспективе – соглашение о полном запрещении секретных работ. Роль такого соглашения для будущего человечества трудно переоценить.

д) Устранение всех факторов стратегической неустойчивости. Запрещение упомянутых выше разделяющихся боеголовок и ограничение ПРО.

5. Одной из центральных задач согласованной политики западных стран должна стать забота о большей открытости социалистических стран, о свободном обмене людьми и информацией. Европейские западные страны формулируют эту цель перед европейским совещанием по обеспечению безопасности в Европе, однако сейчас, как я опасаясь, они не проявляют достаточно большого нажима на социалистические страны, давая последним возможность «торговаться» и шаг за шагом добиваться бессодержательных, угодных им формулировок. Я считаю, между тем, что те цели, которые ставят социалистические страны (в особенности фиксирование послевоенных границ), не полностью отвечают интересам будущего Европы, во всяком случае до достижения объединения Германии. Именно открытость социалистических стран вместе со сбалансированным разоружением могут обеспечить безопасность Европы и всего мира. Необходимо, в частности, свободный обмен туристами, людьми, едущими для работы, ученья, лечения, занятий наукой (в особенности молодежи) на свободной народной основе, а не по рабским советским традициям ОВИРа, отделов кадров, КГБ и иже с ними. Необходимо добиться свободного обмена книгами, журналами, газетами и кинофильмами. Необходимо добиться отмены позорного капитулянтского решения Генеральной Ассамблеи ООН о запрете свободного телевидения со спутников (телевизор смотрят миллионы людей, и они имеют право видеть то, что им нужно). Необходимо добиться расширения и улучшения иностранного радиовещания на СССР с полным запрещением всех форм глушения. При этом нам – нужны в первую очередь точные, сжато поданные факты о политически значимых вещах.

6. Защита прав человека во всем мире с равными мерками для всех стран должна быть предметом заботы не только отдельных энтузиастов, но и правительств и международных организаций. Всеобщая декларация прав человека в 1948 году провозгласила международный характер проблемы защиты прав человека, однако до сих пор очень мало сделано для воплощения этого принципа в жизнь. Ключевая проблема – свободный выбор страны проживания. Без осуществления этого права полмира являются большим концентрационным лагерем, угрожающим другой половине. Именно в этом – принципиальное значение этой проблемы.

7. Особое значение имеет проблема взаимоотношений с «третьим миром», в котором сосредоточена половина человечества. Всесторонняя помощь в развитии технологии, в обучении кадров, продовольственная и прочая материальная помощь сейчас осуществляется широко, но все же еще в недостаточных размерах. Необходимо ее дальнейшее расширение, в особенности странами Европы, развитыми социалистическими странами, Японией, а также США, которые и сейчас несут это бремя в наибольшей степени. Но с другой стороны, сами

развивающиеся страны должны перестроить свою национальную психологию в сторону большей ответственности за свою судьбу и за судьбу всего человечества. Пора перестать валить все свои беды на колониализм и неоколониализм. Сейчас судьба народов этих стран в их собственных руках (у многих – уже несколько десятилетий), и только созидательная энергия, в особенности в сфере материального производства, может обеспечить их будущее. Особая ответственность ложится на страны – производители нефти. Начиная с октября 1973 года повышение цен на нефть носило спекулятивный характер и дезорганизовало мировую экономику. В особенности пострадали развивающиеся страны, где миллионы людей оказались перед лицом голода. Необходимо установление цен, не разрушающих мир, в котором мы все вместе живем. Это в общих интересах, в том числе и стран – производителей нефти.

И еще одно, быть может, бестактное замечание. Страны «третьего мира» чаще всего голосуют в ООН вместе с тоталитарными государствами и тем самым почти парализовали эту организацию. Но ведь ООН, наряду с другими международными организациями, – одна из немногих сил, на которых основывается наша общая надежда на лучшее будущее. Губить эту надежду из-за политической игры, из-за узко национальных временных интересов и предрассудков – по меньшей мере неразумно.

Вот все, что я хотел высказать, точнее, что уместилось на этих страницах. Я писал, как строят современный дом, или, верней, как грач строит свое гнездо, – сначала каркас, затем идут в ход припасенные веточки. Все видимые для строителя дыры заплетены, но неиспользованные веточки еще остались.

Действительность современного мира очень сложна, многопланова. В ней причудливо смешаны трагедия, безысходность, апатия, предрассудки, невежество и динамичность, самоотверженность, надежда, разум. Будущее может быть еще более трагично. Оно может быть и более достойным человека, более добрым и разумным. Но его также может не быть совсем. Все это зависит от всех нас – живущих в СССР, Китае, Индии, США, Египте, Израиле, Таиланде, Италии, Англии, Франции, Японии, Австралии, Голландии, Германии, Сирии, Вьетнаме, Иране., во всех странах мира, от нашей мудрости, свободы от иллюзий и предрассудков, нашей готовности к труду, разумному самоограничению, от нашей активной доброты и общечеловеческой широты. Проявлением такой мудрости должно явиться истинное сближение стран первого, второго и третьего мира, преодоление разобщенности во имя человека и его прав. Будущее разума, научного предвидения и прогресса, будущее общего блага должно осуществиться.

Москва, июнь 1975 г.

Оглавление